

ДН
и-86.

Искорка

1962

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

Искорка

№ 11

Ноябрь 1962 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

В. Кузнецов

Рисунок П. Вискова

05
Ж
И-86

Солдат революции

Павлу Фёдоровичу
Дубровину —
участнику штурма Зимнего
дворца

Видно, за довольно долгий срок
Выцвело и пожелтело фото —
Худощавый смуглый паренёк
На посту стоит у пулемёта.

Я и сам не знаю почему,
Только мне подумалось
невольно,
Что в тот вечер именно ему
Был доверен под охрану
Смольный.

Там звучали речи Ильича
И рождались новые декреты..
Сняв винтовку с левого плеча,
Охранял парнишка съезд
Советов.

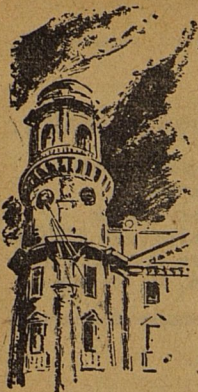
Не по росту длинная шинель
Под дождём давно уже измокла,
И фотограф, комкая фланель,
Протирал у аппарата стёкла.

На панель треногу взгромоздив,
Думал ли фотограф, что впервые
В этот час смотрела в объектив
Юность пробудившейся России!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
г. Грозный

ПЯТЬ УГЛОВ

Со звоном пули
плющились
о рельсы,

А рядом
на Разъезжей,
за углом,
Ругались от души
красногвардейцы,
На все лады
крестя
проклятый дом.

Кончался башней он,
пятиэтажный,
В одном из окон башни —
пулемёт.
Красногвардейцам было очень
важно

Убрать того, кто в них
прицельным бьёт.
И Загородный в прорези
прицела
Сводил в струну трамвайные
пути,

И пять углов немели под
обстрелом.
Верней, не пять — четыре из
пяти!

Четыре. Только этот — серый,
пятый,
Всё грохотал и жил ещё пока,
Когда рыжебородого солдата
Схватили за рукав два паренька.
— Марш по домам! — солдат
прикрикнул строго.

Но паренёк совсем к нему
приник

И прошептал:
— Мы, дяденька, ей-богу,
На Лиговке видали броневики!
Нам проходные все дворы
знакомы.

Мы сбегает. Нас юнкер
не убьёт!..

И вот в окошке углового дома
Навеки захлебнулся пулемёт.
...Уже давно не ходят здесь
трамваи,

Но до сих пор высокий серый
дом

Отметинами пуль напоминает
Мне об Октябрьских битвах,
о былом.

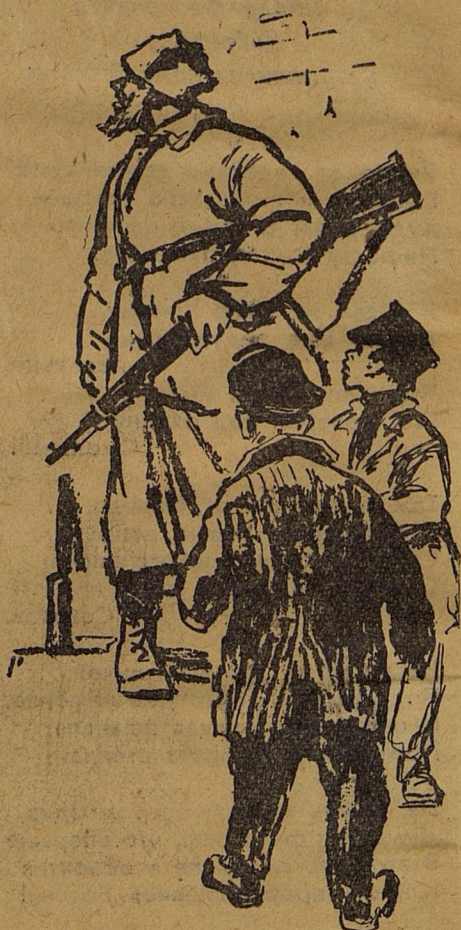
И до сих пор свежи следы на
вышке,

Где расписался броневики
свинцом...

Я тему для стиха взял не из
книжки.

Мне рассказал об этом тот
парнишка,

Что бегал к Лиговке. Он был
моим отцом.

Б о т и н к и

В дни Октябрьской годовщины ветераны революции обычно вспоминают об историческом залпе «Авроры», штурме Зимнего, о бурных ночах в Смольном. А я жил тогда за тридевять земель от Питера да и был, по правде сказать, молокососом, мальчишкой. На угольных коях в Сибири рассыльным служил в конторе. Газеты, письма с почты носил, бумаги там всякие на склад, со склада, на шахту. В лавочку за папиросами конторщикам бегал.

До революции это глухие места были. Почта два раза в неделю приходила. На тройке. С ямщиком. С колокольцами. Газеты по две недели из Москвы шли. Теперь всякий мальчонка, где бы ни жил, Кузбасс знает. Слава о нём, о его тружениках гремит повсюду. А тогда что такое был Кузбасс? Насколько небольших копей, хозяином которых был «Копикуз». Не слышали? Так сокращённо называлось «Акционерное общество куз-

нецких каменноугольных копей». Этот «Копикуз» хозяйничал до самого изгнания Колчака из Сибири. По ребячеству, он мне казался каким-то толстопузым чудовищем-спрутом, высасывающим из людей кровь. «Копикуза — толстое пузо, — говорили рабочие, — попил нашей кровушки».

Революция всколыхнула и наш заброшенный в глуши рабочий посёлок. О свержении царя мы узнали очень быстро. Для меня, как для мальчишки, самой впечатляющей была картина, когда шахтёры разоружали урядника и стражников — эту вооружённую опору царизма на руднике, и вывозили на тачках в облитых смолой мешках особенно ретивых прислужников административной. Меня это потрясло: ведь сильнее урядника в посёлке зверя не было. А тут он сидел перед рабочими жалкий, безоружный. Как тут было не поверить, что жизнь круто переменялась!

Н а ч а л и с ь

митинги. Приезжие ораторы распинались и доказывали, что войну с Германией надо продолжать. Это были меньшевики и эсеры, как мне сказали. С пеной у рта они нападали на Ленина: Ленин был против войны. А у меня отец на войне погиб. Четверо сирот осталось с матерью. Я самый старший. И потому я всей душой стоял за Ленина и ненавидел меньшевиков и эсеров. На всю жизнь запомнил их вожakov: меньшевика, ходившего босым, в посконной рубахе навыпуск, с большой гривой седых волос; эсера, щеголявшего в истоптанных башмаках и в штанах с заплатами. Этим хотели они приобрести авторитет у рабочих. Но шахтёры быстро разобрались, кто их друг и кто враг, и пошли за большевиками. С какой радостью встречали они страстные слова большевика, посланца Путиловского завода, когда тот говорил, что войну надо кон-

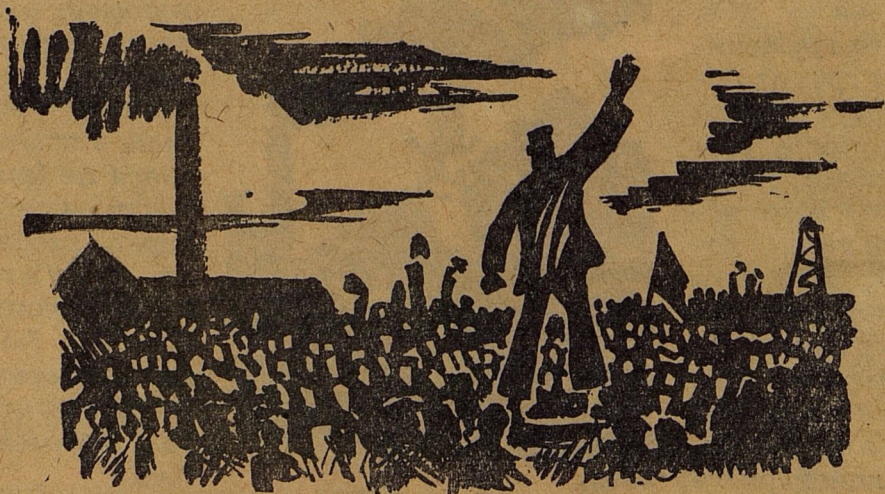
чать, фабрики и заводы отобрать от капиталистов, землю у помещиков!

И когда из Петрограда пришла весть о победе большевиков в Октябрьском восстании, рабочие послали приветствие партии большевиков. Я тоже голосовал от всего сердца за радостное послание, хоть и был мальчишкой.

Но споры не прекращались и после того, как пришла Советская власть. Спорили везде. И у нас, в конторе, всё кипело. Начнут, бывало, конторщики о Ленине спорить. Бог ты мой, горячатся, кричат, чуть до драки дело не доходит. А я слушаю. Хочется и мне слово вставить, да где уж тут! Думаю, какой из меня политик? Нос не дорос!

А споры интересные, бывало, разгорались.

Был там у нас один — Иван Антоныч. Из волостных писарей. Сказывали, будто прежде где-то в притаёжной волости проживал он и даже лавчонку бакалейную дер-

жал. Подторговывал. Революция прижала ему хвост. Вот и подался на копи. Поначалу овечкой прикинулся, а потом разошёлся — удержу нет. Незвзрачный такой на вид, плюгавенький, но почерком славился. Писал действительно отменно. Многие завидовали. По тогдашним временам это не последнее дело было — красиво писать. Пишущих машинок ещё мало было.

Вошёл он в доверие к начальству. А начальство на копиях ещё старое сидело: национализация затянулась. Послали рабочие ходока к Ленину, а он только при Колчаке вернулся. Через фронт пробрался и в подполье ушёл. Это я вперёд забежал, чтоб понятно было. Ну, а тогда и развязал язык наш Иван Антоныч. Думал, ежели цены ему нет, то всё можно. Вот он-то и говорил, будто немцы товарища Ленина Владимира Ильича в запломбированном вагоне привезли и он-де немцам на руку норовит...

Я весь горю. Хочется вмешаться в спор и крикнуть: «Врёшь, мерзавец!» Да смелости не хватает: постарше меня он. Потом осмелел. Прямо в глаза ему правду режу.

Прочитаю что-нибудь в «Бедноте» — газета такая была — и в пику ему. А он шипит, злорадствует: «Всё равно, говорит, большевикам не устоять. С разрухой не сладят. Нет у них своей интеллигенции. Они

только ломать умеют. Ситцу нет, обуви нет. В лаптях ходить будем».

Я горячился, размахивал руками, но... доказать не мог. Разруха, действительно, была огромная: все видели. Да ведь не большевики принесли её, от царя досталась. Ну да где ему втолковать? Не хватало у меня пороку.

А конторщики, которые за Ленина, смеются: «Ты, говорят, Коля у нас настоящий большевик!» Ну а какой я был большевик? Многого не понимал. Грамотой особенной не мог похвалиться. Да и газет-то толком не читал.

Пришёл Колчак. Кое-кто из наших скрылся. Иные попритихли. А контра разная задрала нос. Иван Антоныч напустил на себя много важности, торжествовал: как же, его слова сбылись. Теперь ему не перечили. Побайвались. И я помалкивал. Но так продолжалось, пока Колчак наступал. А когда он из-под Вятки начал смазывать пятки, вот тогда-то вы бы погля-

дели на Ивана Антоныча: осунулся, задумчивый стал. И всё молчит. А мы осмелели: своих ждали. К приходу Красной Армии кумачу добыли, с флагами встречали.

Иван Антоныч совсем скуксился. Но оставался при своём. И когда из Крыма выполз и подобрался к Донбассу барон Врангель, оживился вдруг Иван Антоныч, снова вступил в споры: возвращалась былая самоуверенность.

В неделю транспорта по призыву большевиков многие служащие и трудившиеся на поверхности рабочие спустились вечерами в шахту: рубили, как умели, уголь. Ходил иной раз и Иван Антоныч. Не от души, конечно, а так, для виду. И когда мы очутились с ним в забое один на один, он опять завёл своё: «Ни к чему всё это, всё равно без хозяев не наладить заводов и фабрик».

Я стоял на своём.

А дальше случилось вот что. Был у нас в материальной части один интересный старик. Из царских ссыльных. Он-то и получал «Бедноту». При царе монархическую газетку «Речь» выписывал, чтоб подозрения не было, при Колчаке скрывался где-то. Вот он мне как-то и показал заметку в «Бедноте»: «В Петрограде восстановлена и пущена в ход первая государственная обувная фабрика „Пролетарская победа”».

Взял я газету — и к Ивану Антонычу. Ну, думаю, теперь не отвертишься! А он надви-

нул на нос очки, посмотрел на заметку и с таким, понимаєте, пренебрежительным спокойствием говорит:

— Написать всё можно, бумага терпит...

Я этого, признаться, не ожидал и даже на минутку растерялся. А потом такое меня зло взяло. «Не верит! — думаю. — Не хочет верить!» Готов был в горло вцепиться ему. Но что поделаешь? Он конторщик, ин-тел-лигенция! А я мальчишка, рассыльный, сын шахтёра.

А делал он, надо вам сказать, вредное дело. Агитировал. Сбивал с толку людей. Иные поддавались. Вижу, не столкнуться с ним. Не одолеть!

И тут подвернулся такой случай. Приехал к нашим соседям родственник из Москвы. Военный. На побывку. А я дружил с их мальчишкой Лёнькой. Бывал у них часто. Много рассказывал москвич интересного: про Москву, про Ленина. Он его два раза видел. Один раз в каком-то почётном карауле стоял на Курском вокзале, другой раз на митинге. И стоял близко. «Душевный, говорит, человек. Ему, говорит, во всём верить можно. Это наш человек».

А я и так давно верил.

И вот увидел я на сундучке соседского родственника новые ботинки. Он их из Москвы в подарок брату, дяде Игнату, Лёнькиному отцу, привёз. Простые ботинки, солдатские. Но добротные,

ладные... Взял я их в руки. Вижу на подошве клеймо: «Петроградская государственная обувная фабрика „Пролетарская победа“». У меня дрогнуло сердце, забилося от радости. Затряслись руки. «Это тебе не лапти», — думаю. — Не бумага, что всё стерпит. Это ботинки! Настоящие, кожаные, с клеймом. Фальши быть не может».

— Дядя, — сказал я. — Дайте мне на один час ботинки. Я принесу их в сохранности. Ей-богу. Только показать.

Поначалу москвич не понимал, в чём дело. А я торопился, захлёбывался и толком не мог объяснить... Но потом он понял.

И вот завернул я драгоценную ношу в тряпку, схватил

под мышку и со всех ног бросился в контору.

Был день получки, там ещё работали. Вбежал в расчётную часть, где сидел этот плюгавенький Иван Антоныч, развернул на ходу тряпицу и положил перед самым его носом новенькие ботинки. А сам отдышаться не могу.

— Вот, смотрите! С клеймом. Петроград. «Пролетарская победа». А вы говорите — всё можно написать, в лаптях ходить будем!..

И гордость и обида были в моих словах.

К столу сбежались все, кто был в комнате. Иван Антоныч не торопясь взял в руки ботинки, ленивым движением, как-то нехотя, надел очки и посмотрел на клеймо. Поцарапал ногтем. Всё пра-

вильно. А потом, помолчав, с презрением процедил:

— Ты ещё молокосос. Может, это только для пропаганды пущено.

— Для пропаганды?!—воскликнул я. И не помня себя от гнева замахнулся на него рукой, в которой уже держал ботинки.

Кто-то сзади схватил меня за руку. Я оглянулся. Это был председатель рудкома Зорич, старый кузнец с большими усами, как у Тараса Бульбы. Он пришёл посмотреть, всё ли в порядке с выдачей заработной платы.

— Эге-ге, голубчику, — начал Зорич своим густым украинским басом, — да ты, я вижу, горячий хлопец! Здрóрово ты его... На все лопатки. Як у библии отой маленький Давид великого Голиафа. Подивись, що ты зробыв з чоловиком? Вин весь поблиднив, як ота стинá.

Раздался весёлый смех ок-

ружающих. Смеялись все. Один Иван Антоныч при-смирел и начал молча щёлкать на счётах. Рука его заметно дрожала. Ему было не по себе.

Я успокоился. Было ясно: ему никто не верил. Победа была на моей стороне, явная и очевидная. Ботинки переходили из рук в руки, и на многих лицах я видел выражение изумления и радости. А это были люди взрослые. Дело нешуточное!

Сквозь стеклянную перегородку из коридора с любопытством смотрели шахтёры, стоявшие в очереди за получкой. А когда я вышел в коридор, они обступили меня тесной толпой, хлопали одобрительно по плечу, называли молодцом и долго рассматривали первые советские ботинки, вместе со мной радуясь победе над плюгавым конторщиком с приплюснутым носом.

Жутов хутор

Уже темнело, когда комбриг Будённый приехал на Самохин хутор, занятый его конниками.

Утром белые не выдержали натиска будёновской кавалерийской бригады и бросились наутёк в степь.

Будённый послал оба свои кавалерийские полка и резервный кавалерийский дивизион преследовать бегущего противника.

Ока Городовиков с первым кавалерийским полком должен был, разгромив врага, сосредоточиться у хутора Жутов-второй, а Маслаков со вторым кавалерийским полком — у хутора Самохина.

Маслаков своё задание выполнил. Оставалось узнать, выполнил ли задание Городовиков.

Будённый увидел Маслакова на хуторской улочке, заставленной тачанками, повозками обоза и санитарными линейками. В стороне у костра жались пленные. Маслаков, усталый, но радостно возбуждённый, говорил о чём-то с комэском-2, лихим рубакой Горбачёвым.

— Маслаков, у тебя связь с Городовиковым есть? — спросил комбриг, спрыгивая с коня. — Как там у него?

— До полудня, Семён Михайлович, связь была, а к вечеру потерялась, — ответил

Маслаков. — Должно, что-нибудь случилось с Городовиковым.

— Ничего не могло случиться! — вспыхнул горячий комбриг. Он верил в исполнительного, непоколебимого Оку Городовикову, своего земляка и друга.

— Он наверняка уже на хуторе Жутов-второй. Вот я сам сейчас к нему доскачу! — решительно сказал комбриг и, кликнув ординарца Колю Кравченко, поскакал к Жутову.

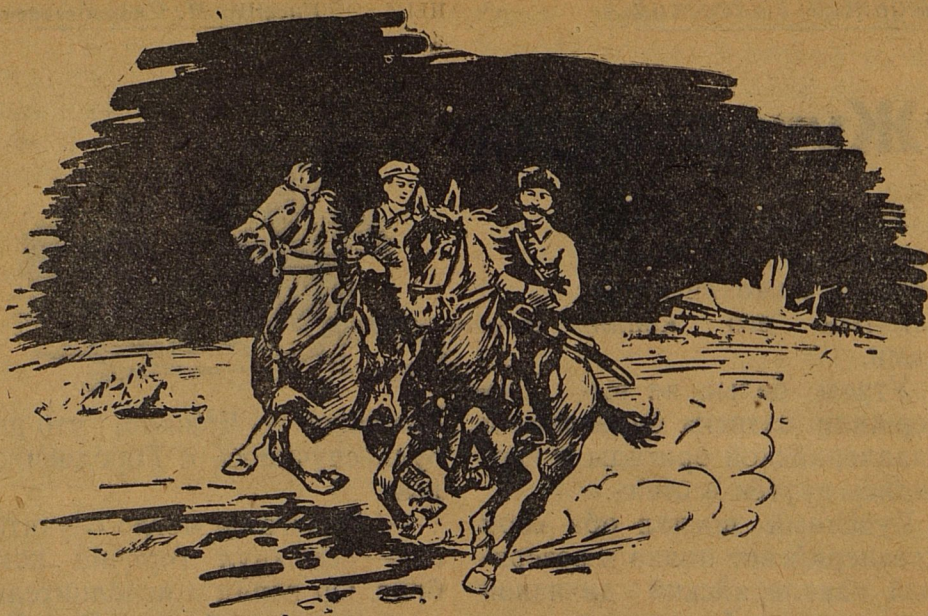
Они безо всяких okazji доехали до хутора.

Уже окончательно стемнело.

На хуторе Жутов царил полный покой. Но привычное ухо кавалериста-разведчика издали улавливало топот копыт, храп лошадей и звяканье стремян и уздечек. Ясно: на хуторе — кавалеристы. Вот и ворота ближнего двора гостеприимно распахнуты настежь.

Будённый и ординарец спокойно въехали во двор, на котором в вечерней полутьме маячили фигуры людей и лошадей.

Комбриг соскочил с коня и хотел было уже окликнуть:

«Товарищи, а где комполка?» Но осекся: мимо него кавалерист вел к коновязи лошадь. Будённый своим острым глазом сразу приметил: хвост у лошади был длинный, необрезанный. Все красные кавалеристы коротко подрезали лошадиные хвосты, а белые оставляли так. Кроме того, винтовка у кавалериста выглядывала из-за правого, а не из-за левого плеча, как носили красные.

«Да это же белоказаки! — обожгла комбрига тревожная мысль. — Напоролись, чёрт возьми!»

Во дворе располагалось, по всей видимости, больше десятка белых.

Будённый глянул на ворота. Его ординарец, аккуратный Коля Кравченко, по-хозяйски закрывал за собою широкие скрипучие ворота.

«Незаметно не уйдёшь! Накроют! И колодец тут же, во

дворе. Нет причин выводить коней на улицу», — с огорчением подумал Будённый.

Было досадно, что так глупо, так нелепо попались в ловушку к этим «пугачам», как звали казаков иногородние.

Но комбриг не растерялся. Мысль работала лихорадочно. Он шагнул к Кравченко, схватил его за руку и шепнул:

— Это белые! Не проговоришься, не назови меня «товарищ» — сразу зарубят! И не робей, — как-нибудь вырвемся!

А один из белоказаков уже громко спрашивал:

— Кто же это ещё к нам припожаловал?

— Свои, станичники, свои! Мы из третьей сотни вашего же семьдесят второго! — не теряя резона, бодро ответил Будённый. Он назвал полк белых, который под натиском Маслакова отступал к хутору Самохину.

— Да мы-то не из семьдесят

второго, а из шестьдесят восьмого!

— Эх куда хватил, семьдесят второй! Семьдесят второй правее остался! — ответило ему несколько голосов.

— Ишь беда-то какая! Плутаем целый вечер! — сокрушённо сказал Будённый. — Так ещё в лапы красным угодишь!

К нему подошёл пожилой бородатый казак. Будённый старался поставить своего буланого коня так, чтобы «беляки» не видели подрезанного хвоста, но бородач — как нарочно — подошёл к лошадиному крупу и, ударив ладонью по гладкой спине коня, загудел басом:

— Э-э, постой, милоч! А почему, страннички, у ваших коней хвосты обтяпаны, а? — спросил он.

«Вот разодрал глотку! Рычит, точно из кади!» — с ненавистью подумал о бородаче Будённый, но ответил спокойно:

— Не знаю, станичники, как довелось вашему шестьдесят восьмому, а наш семьдесят второй попал, как в соломорезку. Не то что хвосты, а и головы летели! Наших коней скосил красный пулемёт. Мы спаслись только тем, что сумели добыть лошадей у красных. И тут уже не будешь смотреть, есть ли у коня хвост или вовсе нет!

— Это верно!

— Что и говорить, — казак без коня дёшево стоит!

— В бою всяко случается! — охотно соглашались с Будён-

ным обступившие их белоказки.

Будённый говорил и радовался тому, что ни у него, ни у ординарца нет винтовок, одни шашки да револьверы. А то если бы ещё белоказки увидели, что у них винтовка закинута за левое плечо, ну тогда разговор был бы короток... Винтовка — не лошадиный хвост, не отговоришься!

— Уж дозвольте, станичники, переночевать вместе с вами. А поутру мы свой полк легче отыщем. Ночью ещё забредёшь невесть куда, — говорил Будённый.

— И то верно!

— Что ж, оставайтесь, места хватит. Ставьте коней да идите в хату. Хозяйка у нас добрая, салом да молочком попотчует, — гудел бородач.

— Спасибо, станичники! Как говорится: блин не клин, брюха не расколет! — ответил Будённый. — Я с полным удовольствием. А вот дружок мой, — кивнул он на притихшего Колю Кравченко, — животом что-то стал маяться. Ему способнее будет на дворе.

— Это у него медвежья болезнь приключилась!

— С переляку! — смеялись белоказки.

Кравченко, держась за живот, пошёл в тёмный угол, а Будённый делал вид, что собирается устраивать коня на ночь. Ему хотелось подольше остаться в темноте, не идти в хату, не показываться «белякам» на свету — в хате уж зажёгся огонь.

Он опасался, что среди бело-

казаков найдётся кто-либо из станицы Великокняжеской или с хуторов Дальнего и Жеребкова, где его знали в лицо, потому что это были его родные места. Опасался, что выдаст его кавказская в серебре шашка и суконный френч вместо обычного поношенного царского мундира, который носили все казаки.

Белоказики успокоились и разошлись по двору. Они занимались лошадьми — поили, подвязывали торбы с овсом, устраивали лошадей на ночь. Говорили о том, о сём, и прежде всего — о сегодняшнем бое.

Будённый делал вид, что возится с конём: сводил его к колодцу, бесстрастным голосом, привычно покрикивал на буланого, а сам внимательно слушал, что говорят белые.

Из их рассказов Будённый понял, почему Маслаков потерял связь с Городовиковым.

Ока гнал превосходящего по численности противника до хутора Жутов-второй, не предполагая, что здесь его ждёт засада. У самого хутора залегла цепь пластунского батальона белых. Пластуны пропустили свою конницу, а по кавалерийскому полку Городовикова ударили вдруг.

Ока Иванович не ожидал такого оборота дела, и ему пришлось откатиться к Абганеву.

В воспоминаниях о прошедшем бое, как обычно, не обошлось без преувеличений, хвастовства и вранья. Послушать

белоказиков — так красная кавалерия ничего не стоила.

Безудержнее всех врал какой-то по-комариному вёдливый тенорок.

— А я, станичники, сегодня чуть не захватил в плен самого ихнего Абыдённаго, — заливался он.

— Да ну, что ты брешешь? — усомнился кто-то.

— Ей-богу! Как погнали мы красных, я гляжу — скачет он, Абыдённый!

— Откуда же ты, Потапыч, знаешь, что это Будённый? Ты же дальше своей Староминской и свету не видывал!

— Как не узнать? Первое: у Абыдённаго усы, что у таракана — во-о!

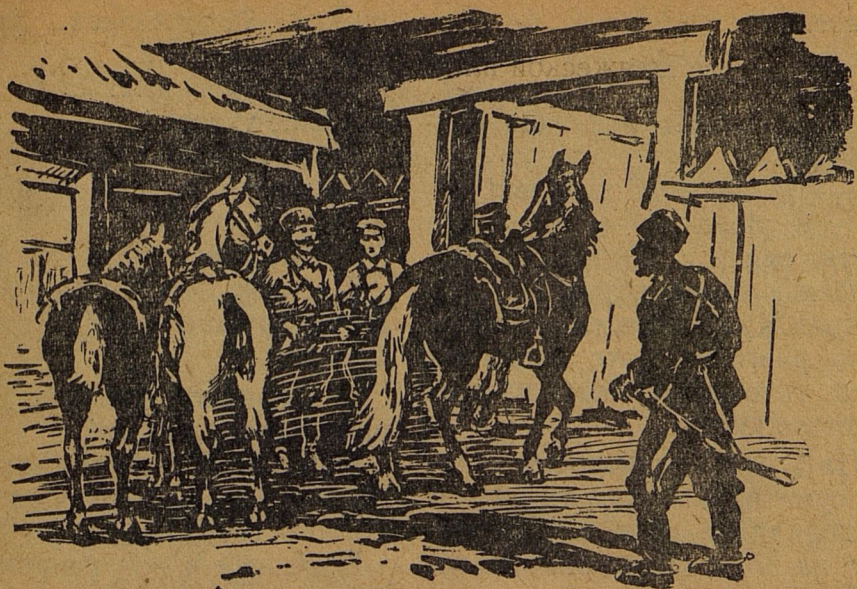
Будённый, слушая, невольно погладил усы: верно, говорит, шельмец! Усы, между прочим, тоже выдать могут!

— Второе, — продолжал тенорок: — конь. Конь у Абыдённаго булатый. И через всю спину у него чёрный ремень. А грива что вороново крыло!

«Вот вражина, как точно описывает, — поглаживал коня Будённый. — Хорошо, что мы на этот проклятый хутор затемно явились. А если б вкатились сюда чуть пораньше, не унесли бы ног!»

А тенорок всё звенел:

— Как увидел я его, эту бисову душу, давай нахлестывать своего игреневого. Он у меня удал, да у Абыдённаго — сколько живу — такого не видывал: летит, как птица! Никак не могу достичь до этого анчихриста, чтоб его сашкой полоснуть!!

— Что ж, так его, ирода, и не поймал? — смеялись казаки, видимо не очень-то веря рассказам своего дружка.

— Не поймал! У него не конь, а сатана! Такая же, как и он сам!

Будённый не мог не улыбнуться.

— Пойдём-ка лучше хозяйское сало есть, это вернее будет! — говорили белоказачи. И, перебрасываясь шутками, повалили в хату.

— Ну, станичники, айда к нам до кумпаний, — пригласил Будённого бородач, проходя мимо него.

— Зараз, я только подпругу погляжу — чего-то ёрзает, — говорил Будённый, притворяясь, что подтягивает подпругу.

Когда двор опустел, Коля Кравченко, крадучись, подбежал к комбригу:

— Семён Михайлович, тикаем!

— Погоди. Слышь, кого-то

ещё чёрт несёт! — ответил Будённый, уводя коня в темноту.

Заскрипели ворота, и во двор с шумом ввалилось человек двадцать верховых. Из их разговоров Будённый понял, что приехал взвод, назначенный в сторожевую заставу. Белоказачи поили коней, пили сами, осматривали сбрую, лязгали затворами винтовок, приготавливаясь ехать на заставу. Ими командовал высокий сердитый, словно невыспавшийся, урядник.

У Будённого сразу созрел план. Он подошёл к уряднику, стоявшему у дома, и, вытянувшись, приложил руку к шапке.

— Господин вахмистр, — обратился Будённый к уряднику. Он нарочно повысил его в чине. — Дозвольте вернуться в свою часть. Мы из семьдесят второго. Отстали... — сказал он, стараясь держаться в тени, не входить в небольшую полосу света, лившегося из окна.

— Отстали? Вояки! — пре-

зрительно покосился на Будённого урядник. — А пропуск знаете?

— Никак нет, господин вах-мистр!

— Ну так знай: клинок!

— Слушаюсь! — козырнул Будённый и с лёгким сердцем пошёл к своим коням.

Коля Кравченко, слышавший весь разговор, уже сидел на коне, готовый ускакать из проклятого хутора.

На дворе по-прежнему стояла суматоха: казаки входили и выходили из хаты, кто-то жевал на ходу, кто-то закуривал.

Будённый вскочил на своего буланчика и спокойно, не спеша выехал за ворота.

Комиссар, весь штаб и комполка Маслаков уже не на шутку беспокоились за судьбу своего комбрига и обрадовались, когда увидели его живым и невредимым.

Будённый смеясь рассказал обо всём товарищам и велел тотчас же поднять по тревоге полк. Он приказал окружить хутор Жутов и ударить на белых со всех сторон.

Пропуск, который сказал урядник, помог будёновским разведчикам проникнуть в расположение белых и без единого выстрела снять их полевые караулы.

Маслаков напал на белых внезапно, среди глубокой ночи. Белоказаки спросонья не оказали большого сопротивления, хотя в Жутове располагалось три кавалерийских полка и пластуны. Часть белых была изрублена, многие сдались в плен. И лишь небольшая гор-

сточка белоказаков успела скрыться в степи.

Пленных выстроили на окраине хутора.

Ночь прошла. Чуть светало.

Будённый подскочил к пленным и крикнул:

— Здрово, станичники!

Пленные белоказаки по привычке дружно ответили неожиданным:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Они приветствовали молодого красного комбрига, словно старого генерала.

Будённый и все конники не могли удержаться от смеха:

— Ишь заучили!

— Вот что значит привычка!

— А это вбили в солдатскую голову на всю жизнь!

— Ну, станичники, — весело обратился к пленным Будённый, — скажите, а с кем это я сегодня ночевал вот здесь, в Жутове? Кто со мною говорил — три шага вперёд!

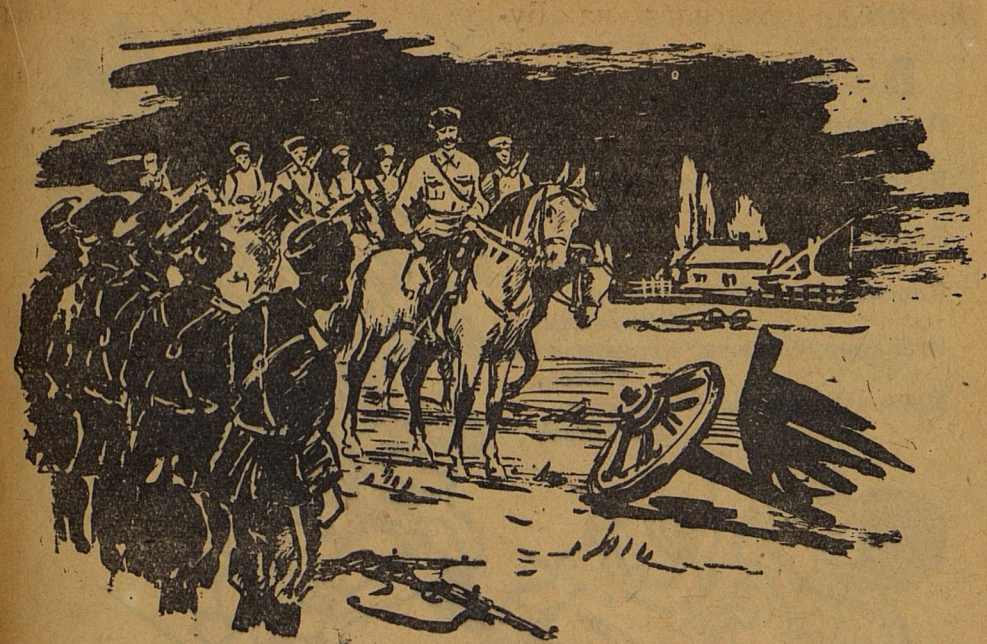
Строй пленных не шевелился.

— Может, вы забыли, я вам напомним: ночевал я в этом крайнем дворе, вон где колодец. И со мной был ординарец, вот он, — Будённый обернулся и показал на улыбающегося Колю Кравченко.

Пленные молчали, искоса поглядывая друг на друга.

— Стало быть, никого нет, а жаль. Ну, а, может, жив тот, кто рассказывал, как хотел поймать Абыдённого?

— Жив! — раздался чей-то тенорок, и из строя вышел немолодой, худощавый казак. — Это я, ваше превосх... ваше

благородие... — не знал, как и величать Будённого.

— Здорова ты, дружок, умеешь брехать! — без злобы смотрел на него Будённый.

— Брехать — не устать, было б кому слушать, — сказал стоявший сбоку от комбрига Маслаков.

— Зачем брехать? Я не брехал! Рази я неправильно говорил: у Абыдённого, говорил я, конь булатый, во лбе у коня звёздочка, грива как вороново крыло. Что, скажете, неверно? Вот он, — указывал пленный на будёновского коня и оглядывался на всех, как бы требуя подтверждения: вот, мол, люди добрые, всё в порядке — и масть, и грива, и звёздочка! Будённый улыбнулся, разглядывая казака.

— А откуда же ты так зна-

ешь моего коня? — удивлённо спросил он. — Что он тебе — сват, брат?

— Мне один станичник сказывал, что убёг из вашего плену.

— Ну, положим, конь это ещё пустое дело. А вот скажи, когда это я от тебя убегал, как ты своим куркулям плёл, а? Когда?

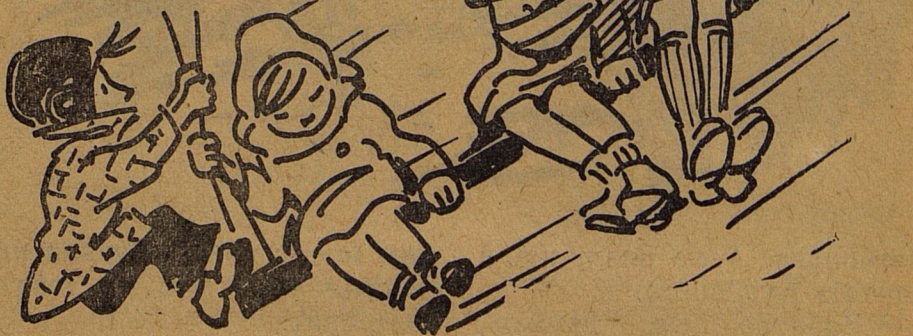
Улыбка сползла с лица комбрига. Он уже презрительно смотрел на лжеца.

Пленный, потупившись, молчал.

— Да если бы я с тобой встретился в степу, я бы тебя возгрей перешиб! Нет, друг, у тебя правды столько, сколько у козы хвоста! У вас, беяков, у всех правды нет и не будет! — сказал, помрачнев, Будённый и поехал прочь.

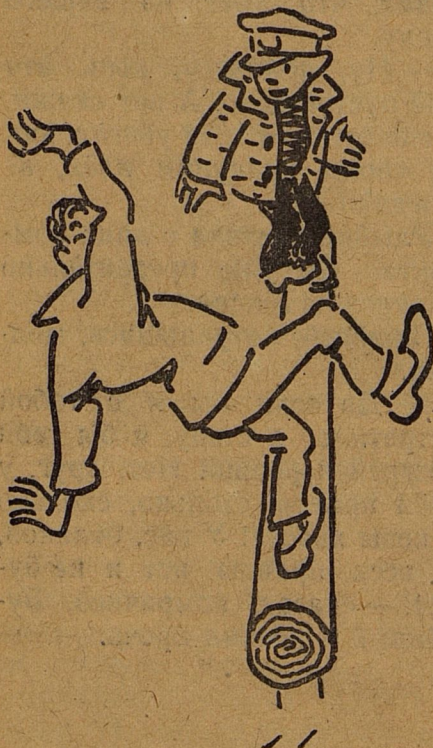
В космос!

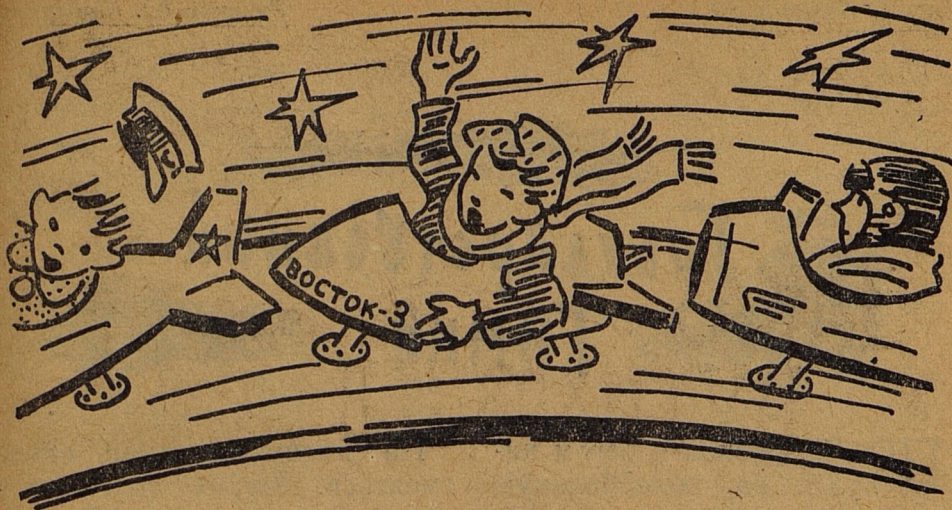
На детской площадке
звонкоголосой
Взлетают качели дорожною
в космос.
Взлетают качели всё выше
и выше.
Уносят под небо девчонок,
мальчишек.
Отважны «пилоты космических
трасс»,
Идёт тренировка к полётам
на Марс!

Равновесие

Шагать по бревну
страшно и весело,
Но в космосе важно держать
равновесие.
Я руки расставлю, как крылья
в полёте.
— Ну, кто там навстречу?
Меня не столкнёт! —
Ладонь о ладонь... Мы друг
друга ударим.
Кричит мне «Сдавайся!»
веснушчатый парень.
— Ну как бы не так! —
отвечаю «веснушкам»,
Подумаешь, дылда, хохол
на макушке! —
Пусть ближе подходит
по круглой дорожке,
Теперь только вовремя
спрятать ладошку.
Противник сильнее,
но слишком спешит...
Сейчас он качнётся —
и сам полетит.

Ц е н т р и ф у г а

— Залезай на карусели!
Космонавты, сели все ли?
Осмотреть ремни друг другу!
Старт! Включаю центрифугу! —
Машут ветками деревья,
И смеются лужицы:

— Как там в небе, пионеры?
Головы не кружатся?! —
Не кружится голова,
Чётко слышатся слова:
— «Сокол!»

«Беркут!»

Я вас понял...

Пересели бы на пони...
— ...Обнимите крепче зебру!
На каком витке на Землю? —
Раз виток, два виток,
— Всё в порядке!

Я — «Восток»! —
Ну и скорость! Ветер-крылья!
Кружит,

кружит эскадрилья,
От летящей скорости —
Шаг до невесомости!

Рис. Б. Иванова

Государственный Тимка

ПОСЛЕ уроков я бегом кинулся на волейбольную площадку. Опоздаешь — займёт место, потом жди.

Играем.

А рядом — дом капитально ремонтируется. Ещё летом содрали с него крышу, выломали все внутренние перегородки, окна, двери, полы и потолки — в общем, как говорят строители, вынули всю «начинку», всю «требуху». Остались только старинные могучие стены, толщиной, наверно, метра полтора. Будто не дом, а крепость. На эту трехэтажную кирпичную коробку, пустую внутри, теперь надстраивали два этажа.

И вот играем мы, вдруг слышим: на этой стройке — шум какой-то, крики. Что случилось? Не придавило ли кого?

— Слетай-ка, — говорю Мишке из седьмого «Б». — Выясни, что за скандал? Всё равно ты пока на скамье запасных...

Ну, Мишка оставил портфель, побежал туда. Вскоре вернулся, смеётся:

— Это Тимка! Опять бузу развёл...

На площадке тоже стали смеяться. Потому что Тимку у нас вся школа знает. Да что там школа! Он даже в милиции известен. Прямо-таки знаменитость. Специалист по всяким историям и скандалам.

Ребята перемигиваются, кричат мне:

— Беги, выручай дружка! Не то опять влипнет!

Неохота мне с площадки уходить. Я как раз на четвёртый номер переместился. Самое моё любимое место: у сетки, все мячи тебе идут. Гаси!

Но ничего не поделаешь. Надо Тимку вызволять.

— Становись, — кивнул я Мишке и помчался на стройку.

ТИМКА — мой приятель. Уже давно, с пятого класса, мы дружим. Хотя, сказать по чести, дружить с Тимкой ой как трудно! Всё у него не как у людей. Всюду он встречается.

Вот, например, волейбол. Пасует Тимка не ахти как, и режет чаще всего в сетку. Но шумит!.. За всю команду!

— Аут!

— Сетка!

— Четвёртый удар!

— Захват!

Голос у него пронзительный, как милицейская сирена. А когда ещё волнуется, голос у него становится противно визгливым.

Ребята злятся. Подумаешь — борец за справедливость! Судья всесоюзной категории! Лучше бы кидал точнее.

Историй Тимкиных — не перечесть. Прямо какой-то «исторический ребёнок», как однажды сказал наш физик.

И в милицию его всё из-за того же «поперечного» характера водили. Пришёл тогда милиционер в школу к директору и говорит:

— Есть у вас такой ученик — Тимофей Горелых?

— Натворил что-нибудь? — насторожился директор.

— С финкой на одного гражданина кидался.

Директора аж в краску бросило. Ну, вызвали, конечно, Тимку. Прямо с урока сняли. Милиционер спрашивает:

— Было такое? Кидался ты с финкой на гражданина Мальцева в деревне Дудинка?

— Не кидался я, — говорит Тимка, — а так... слегка пригрозил... И вовсе не финкой, а перочинным ножиком...

Ну, в общем, выяснилась такая история: Тимка жил в этой Дудинке летом у бабушки. Однажды вечером идёт он по дороге, видит: на обочине женщина сидит, охает, левой рукой за грудь держится.

— Вам плохо? — говорит Тимка.

— Заболела, — шепчет жен-

щина. — В больницу бы... Однако не дойти...

А дорога пустынная, машины по ней редко ходят. Одна появилась, женщина подняла руку, но машина проскочила мимо, даже скорости не сбавила. Потом грузовик мелькнул и тоже не остановился.

— Ладно! — нахмурился Тимка.

Стоит около женщины. Наконец из-за поворота «Волга» выскочила. Тимка сразу посреди дороги стал, руку как регулировщик поднял. Стой!

Машина, скрипнув тормозами, остановилась.

— Чего хулиганишь? — сердится водитель. — Сойди с дороги!

А Тимка:

— Вот женщина заболела. Свезите в больницу.

— Не по пути, — говорит водитель. — И вообще... Может, у неё заразное. Тут спецтранспорт нужен.

Хочет ехать дальше. А Тимка не уходит с дороги.

— Вы обязаны, — говорит, — отвезти. Как вам не стыдно!

— Ты, сосунок, меня не стыди! — рассердился водитель. — Я знаю тебя. У бабки Анфисы живёшь. Вот я ей пожалуюсь. А ну — с дороги!..

Тогда Тимка вынул из кармана нож, открыл лезвие...

— Ты что? Убьёшь меня? — усмехается водитель. Но сам, между прочим, побледнел.

— Убивать не буду, — говорит Тимка, — а шину проколю. Из принципа проколю. Честное пионерское...

двигов» числилось за Тимкой?! У него прямо-таки талант такой особый: обязательно впутаться в какую-нибудь историю. «Исторический ребёнок!» И совсем не все Тимки-

— Хулиган ты, а не пионер! — раскипятился водитель. — Я жаловаться буду!

Но в общем — всё-таки отвёз больную.

...Выслушали милиционер и директор эту историю, переглянулись.

— Н-да, — говорит директор. — Однако... Всё-таки... Если все будут за ножи хвататься...

— Угрожать запрещено, даже словами. А тем более холодным оружием, — говорит милиционер. — Придётся тебе проследовать...

Отвёл Тимку в отделение. Долго там беседовали с ним. В конце концов взяли слово, что больше ножом махать не будет. Отпустили.

...Да мало ли подобных «по-

ны дела оканчивались благополучно.

Однажды, на майские праздники, спускался Тимка по своей лестнице. Подошёл к четырнадцатой квартире, уже руку поднял, чтобы позвонить, — там у него дружок Володька жил, — да вспомнил, что Володька вместе с родителями на собственном «Москвиче» в Ригу укатил.

Хотел дальше вниз идти, вдруг слышит: за дверью — голоса. Тихие, приглушённые голоса...

Вот номер! Кто бы это? Ведь у Володьки в квартире никого не осталось? Факт! Пустая квартира...

«Так, — подумал Тимка. — Воры...»

Прислушался. Точно — голо-

са. Один — грубый такой, словно из бочки. Другой — потоньше. Мигом скатился Тимка вниз, разыскал дворника.

— Быстрей! — говорит. — В четырнадцатой квартире воры! Я на лестнице покараулю, чтобы не удрали. А вы зовите на помощь.

Сам опять на лестницу. На всякий случай на один пролёт выше поднялся, чтобы воры, если выйдут, не заметили его. Ждёт.

Вскоре пришёл дворник с топором, кочегар из котельной. За ним ещё двое жильцов увязались.

— Слышите? — шепчет Тимка, и глаза по-куриному прикрывает. — Голоса... А Володька-то со своими уехал.

— Точно, уехали, — шёпотом подтверждает дворник. — И со мной попрощались...

Прислушались. Да, голоса. И говорят тихонько, таятся, значит...

— Ломайте замок, — шепчет Тимка. — Схватим их!

Но дворник замахал рукой. Прислонился к двери. Слушает. Потом вдруг как захохочет! Гулко, на всю лестницу.

— Это ж радио! — кричит. — Выключить забыли!

И тут, как нарочно, сквозь дверь музыка загремела.

После этого Тимке на дворе прохода не было. «Великим сыщиком» его дразнили.

Да разве только в этой истории попал Тимка впросак?! А как он в люке ключи вылавливал? А как его однажды с вышки снимали?!

Поэтому-то я и поспешил с волейбольной площадки на стройку. Что там Тимка ещё выкинул?

ВОЗЛЕ огромных ног башенного крана толпились люди. Среди них я сразу увидел Тимку, хотя ростом он был, пожалуй, меньше всех. Он суетился, махал руками и так пронзительно верещал, — ну прямо пётух.

Прораб — дюжий дяденька в кирзовых сапогах и синей холщовой куртке, рубя воздух рукой, сердито говорил:

— Нет, вы скажите: стройка у меня или детсад? Тут раствора нехватка, каменщики простаивают, сборного железобетона не завезли. Забот — полон рот. И ещё — здрасьте — пацаны лезут...

— А деревья зачем калечить? — не слушая его, надсаживался Тимка. — В позапрошлом году ямы копали, сажали, ухаживали, поливали. И вот, пожалуйста! — Тимка ткнул пальцем в ствол тополя.

Я поглядел: кожа с тополиного бока содрана с «мясом». Висят белые лохмотья. Чем это так? Посмотрел — на соседних тополях такие же рваные отметины и на такой же высоте. А между деревьями глубокая колея. А, понятно! Это грузовики своими бортами с металлическими запорами шаркали по деревьям.

— Неужели с переулками трудно подъехать? — кричит Тимка. — Обязательно сквер курочить?!

— Тоже мне указчик! — ки-

пятится прораб. — «С переулка!» С переулка надо крюк делать. Что ж я машины буду зазря гонять?

— Не зазря, а чтобы зелень не губить, — вмешался какой-то сутулый старик с палкой, в тёмных очках. — Вы, товарищ, не горячитесь. Вникайте. Мальчонка дело говорит.

— Конечно, — вступилась суетливая молоденькая женщина с «авоськой». — Такой чудный сквер!.. А зачем доски — прямо на траву? Что, в сторонке нельзя уложить?

— Не только доски! — Чувствуя поддержку, Тимка малость успокоился, голос у него стал не таким визгливым. — Вон кирпичей груды — кусты помяли. И мусор прямо в сквер валят...

— Знаете, граждане, вы мне тут не указ. — Прораб, видно, совсем разнервничался. — На этой стройке я пока хозяин. Ясно? Не нравится — можете жаловаться. Цветков, третий стройтрест. А пока — отойдите! Не мешайте! Стёпа! Давай! Левее...

И машина с металлической ванной вместо кузова, до краёв наполненной дрожащим, похожим на студень, раствором, тяжело проехала меж деревьями, царапнув одно из них.

Прораб ушёл. Толпа постепенно тоже разбрелась.

— Я этого так не оставлю! — сказал высокий старик.

— Я тоже! — насупился Тимка. — Из принципа...

Домой мы шли вместе. Тимка молча потирал переносицу.

Я знал: это верный признак — Тимка мыслит.

— Давай напишем жалобу, пошлём в стройтрест, — предложил я.

Тимка хмуро мотнул головой:

— Пока там получают да пока разберутся, этот «деятель» весь сквер разбомбит.

Мы почти дошли до дома, как вдруг Тимка остановился.

— А Валя в школе? Как думаешь? — спросил он.

Валя — это наша старшая вожатая.

— Наверно, — сказал я.

— Повернули! — Тимка хлопнул меня по плечу, и мы чуть не бегом помчались в школу.

Валю мы разыскали в столовой, рассказали ей про сквер.

— Безобразия! — возмутилась Валя.

— Факт! — Тимка в упор глядел на неё — Предлагаю немедленно собрать ребят. Выставим заслон там, где на газон сворачивают машины. И плакат нарисует. Похлеще: «Граждане! Здесь работает прораб Цветков. Он ломает деревья! Стыд ему и позор!» И под плакатом карикатуру.

— Ловко! — обрадовался я. — Просто здорово!

Мне даже обидно стало: почему не я придумал этот самый заслон?

Валя поджала губы, посмотрела на потолок:

— Вообще-то, конечно, здорово... Но... надо это всесторонне обдумать... Трезво взвесить...

Тут же, в столовой, ел кефир

Виктор Горышин из восьмого «А».

— Тут и взвешивать нечего, — вмешался он. — Это что ж получается — демонстрация? Советские школьники демонстрируют, да ещё с плакатами, против советского

стройтреста?! Это же вроде пикетирования. Да, да, настоящее пикетирование! Предупреждаю, Валя, будет скандал... Политический скандал!

Валя задумалась. Я — тоже. «Чёрт его знает. Может, в самом деле, это вроде забастов-

ки? И потом, никогда не слышал, чтобы у нас, в Советском Союзе, выставляли какие-то заслоны. Это в Америке, когда штрейкбрехеров на завод не пускают...»

— Так, — прищурил глаза Тимка. — Значит, сдрейфили? Политический скандал? А какой тут скандал? Просто — не позволим прорабу ломать деревья. В общем, Валя, хочешь — давай, организуй. Нет — я сам подобью ребят. Из принципа.

— Постой, не кипятись, — сказала Валя. — Посиди минутку. Остынь. А я пока пойду подумаю.

Она вышла из столовой.

— Знаем, как ты подумаешь, — усмехнулся я. — В райком пошла звонить.

Валя всегда чуть что — звонила в райком. Советовалась.

— Пойдём, — сказал Тимка.

Мы вышли из школы, завернули на волейбольную площадку. Там всё шло сражение. Я рассказал игрокам про Тимкин проект.

— А что?! — Ребята сразу загорелись. — Даёшь!

Мы кинулись в пионерскую комнату. Вовка Шварц — наш лучший художник — на огромном листе картона кистью размашисто написал:

«Пр о х о ж и й остановись! Здесь работает знаменитый фокусник прораб Цветков. Одной рукой — строит, другой — ломает!»

А сбоку Вовка нарисовал самого Цветкова. Вовка, правда, никогда не видел прораба, рисовал по нашим подсказкам.

Получился длинный дядя в высоких сапогах и синей куртке. Правой рукой он клал на стенку кирпич, а левой — сгибал дерево в дугу, вот-вот оно треснет. Лицо у прораба зверское, и весь он похож на буржуя, как их рисуют на карикатурах.

Когда мы уже прибывали плакат к палке, пришла Валя.

— Ну? — ядовито спросил Тимка и прикрыл глаза. — Обдумала?

— Охранять зелёные насаждения — прямой долг пионера, — ответила Валя. — И быть грамотным, между прочим, тоже долг пионера. — Она ткнула пальцем в плакат. — После «прохожий» надо запятую. Обращение. Поправьте.

...Когда мы вшестером пришли на стройку, прораб сделал вид, будто не замечает нас.

Едва мы воткнули в землю возле искалеченных тополей палку с плакатом, сразу стала собираться публика. Люди смеялись, переговаривались, шумели.

Прораб со стены четвёртого этажа то и дело поглядывал на нас. Ему, вероятно, хотелось узнать, что написано на картоне. Но плакат был повернут к улице, и прораб видел только оборотную сторону. Тогда он спустился со стены и, покуривая сигарету, словно невзначай, неторопливо прошёл мимо нашего картона.

Я видел — лицо его побледнело, потом вдруг сразу побагровело.

«Пристукнет Тимку», — подумал я.

Но прораб сдержался. Повернулся и так же неторопливо зашагал на свой объект. Наверно, ему очень нелегко было идти так медленно, так солидно, но он всё-таки выдержал взятый темп до конца, пока не скрылся в своей кирпичной коробке.

— Молодцы ребята! — говорили прохожие.

— Боевые парнишки!

Люди шутили, громко отпускали всякие замечания насчёт горе-строителей. Но прораб больше не показывался.

— Похоже, решил просто не обращать на нас внимания, — шепнул я Тимке.

— Ничего, обратит, — сказал Тимка. — Мы его допечём. Нынче не поможет, завтра придём.

И всё-таки прораб не выдержал. Вылез из своей кирпичной крепости, подошёл к Тимке.

Я насторожился.

Прораб, сунув руки в карманы, стал перед нашим плакатом, будто только сейчас его заметил, и принялся внимательно разглядывать рисунок.

— Похоже, — вежливо одобрил он, хотя, честно говоря, портрет вовсе не был похож. — Только вот усы... А я ж без усов...

— Точно, — так же деликатно и спокойно согласился Тимка. — Но не огорчайтесь. Вовка Шварц, наш главный художник, мигом побреет вас!

В толпе засмеялись.

— И кепка вот, — говорит прораб. — У меня синяя. А тут какая-то рыжая...

— Непорядок! — подтвердил Тимка и скомандовал: — Эй, Вовка! Не забудь потом и кепочку гражданину прорабу сменить!

Так они ядовито-вежливо переговаривались, а зрители удивлённо хихикали и подмигивали друг другу.

Наконец прорабу это, видимо, надоело.

— Ну, вот что, — строго сказал он. — Пошутили — и ладно. Мешаете работать. Понятно? Дуйте-ка со строительной площадки. Здесь я хозяин.

— А мы не на стройке, — говорит Тимка. — Разве сквер ваш? Укажите тогда, пожалуй-ста, где кончается строительная площадка? Мы охотно переместим туда карикатуру на товарища Цветкова.

В толпе снова засмеялись. А прораб так налился кровью, даже шея у него раздулась.

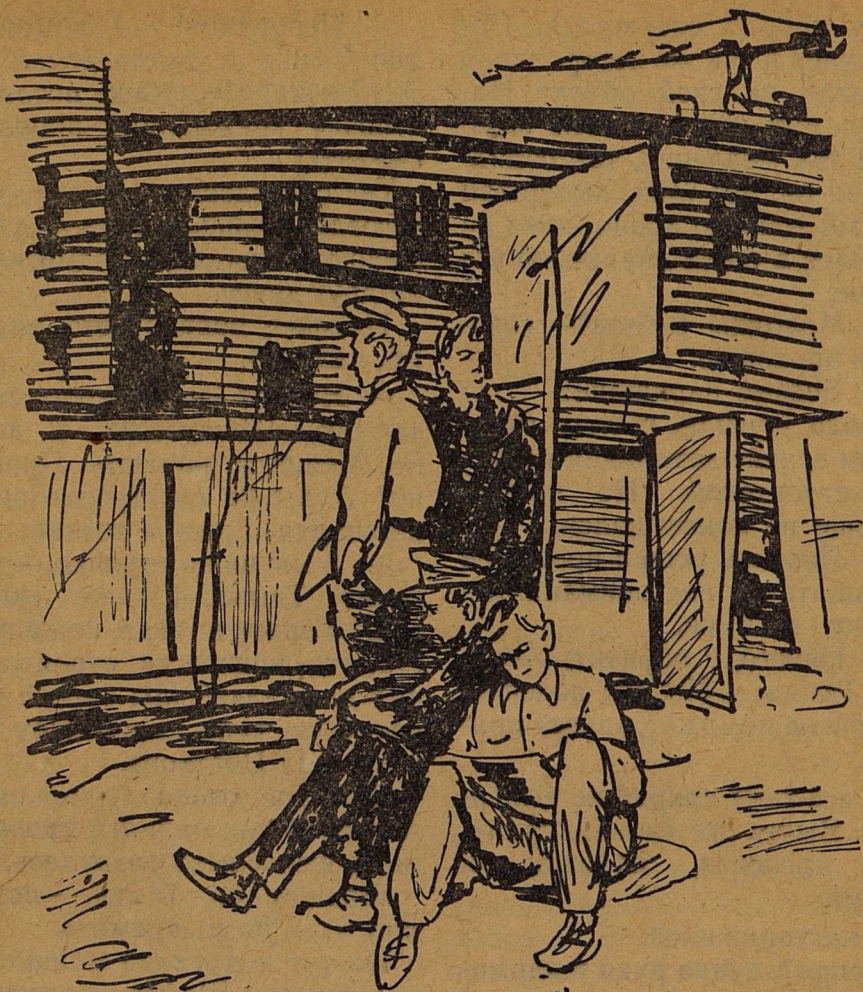
«Врежет он Тимке, — подумал я. — Факт, врежет».

Но тут подъехала машина с раствором. Шофёр подогнал её вплотную к толпе, высунулся, давит на сигнал, орёт. Дорогу!

— Через сквер проезда нет, — говорит Тимка. — И вообще... Гудеть в черте города запрещено!

— Чего?! — орёт шофёр. — Тоже мне госинспекция!

Дал газ и двинул прямо на Тимку. А Тимка стоит меж колеями, посреди дороги, ноги расставил, носки внутрь подвернул, кулаки сжал, как боксёр, когда к бою готовится. А сам — аж побелел. Но глаза не закрывает по-куриному!

Нет, прямо в упор взглядом целится в шофёра.

«Так, наверно, он в деревне стоял, — подумал я, — когда «Волгу» для больной задержал».

Я подошёл к Тимке и стал рядом с ним. И ещё многие, и ребята, и взрослые, сгрудились возле него.

Шофёр ругается, а потом вдруг как засмеётся! Это он наш плакат увидел!

— Так! — смеётся. — Значит, одной рукой строим, другой — ломаем?! Э, — говорит. — Шут с вами! — включил заднюю передачу, пятясь, выбрался на дорогу, развернулся и укатил.

Мы видели, как вскоре он подъехал к стройке с другой стороны.

Так простояли мы до темноты: больше машин не появлялось.

На следующий день после уроков мы опять направились на стройку. Тимка нёс наш зна-

менитый плакат, о котором уже знала вся школа. Усы на портрете успели «побрить» и кепку перекрасить.

Пришли мы, воткнули в землю палку с плакатом, сразу, конечно, народ сгрудился. И опять смех, шуточки насчёт прораба. А сам он наверху по своей «крепости» ходит. То появится в проёме окна, то опять исчезнет.

«Ну, характер! — думаю. — Неужели выдержит? Неужели так и не спустится?»

Однако вскоре прораб слез вниз. Не глядя на плакат и на Тимку, прошёл мимо и, не оборачиваясь, зашагал куда-то. Шёл он ещё неторопливей, чем всегда, как на прогулке.

Честно говоря, нам даже обидно стало. Удирает! Попросту удирает! Чего же теперь торчать возле стройки, когда прораба нет?! Кто-то из ребят со злости даже свистнул ему вслед. Но прораб и на свист не обернулся. И вскоре скрылся за углом.

А время шло. Стоять так, без дела, было мучительно. И как назло, ни одна машина не подъезжает. Прикатила бы машина, всё ж веселее, хоть с шофёром поцарапались бы.

— Да, — говорит Тимка, — со снабжением у них и впрямь слабовато. Перебои. Нет регулярной доставки стройматериалов...

Мы топтались на месте, возле плаката, и я видел: ребята изнывают от безделья. Кто-то сел на камень, кто-то вынул из портфеля книжку и, присло-

нившись спиной к дереву, стал читать.

— Ну, что теперь? — скучным голосом спросил один из мальчишек.

— Стоять! — твёрдо ответил Тимка. — Стоять насмерть!

Я думал, прораб ушёл куда-нибудь в трест, или на совещание, или ещё куда. А может, ему и не нужно было ни в трест, ни на совещание. Просто ушёл, чтобы только нас не видеть. Но оказалось — он хитрее.

Прошло с полчаса — вдруг видим: прораб возвращается. Идёт, высокий, грузный, в своей плоской кепочке и кирзовых сапогах, крупно, размахисто шагает, а рядом кто-то мелко-мелко вяжет шажки. Кто бы это? Кого прораб на помощь притащил?

Смотрим, — а это директор нашей школы, Михаил Михайлович, которого для убыстрения все у нас зовут «Мих-Мих».

«Вот номер! — подумал я. — Ну, держись, Тимка!»

«Мих-Мих» у нас строгий. И, главное, очень любит, когда тихо. И очень не любит, когда шумно.

А тут целая толпа, и все чего-то гомонят, суетятся.

Вижу я: подходит директор, а глаза у него беспокойные и прямо в Тимку уткнулись: «Ну, что ещё натворил? Опять на кого-нибудь с ножом бросался?»

— Вот, — говорит прораб, — Полюбуйтесь на ваших удальцов! Мешают работать государственной стройке!

Директор слушает, молчит. Тимка тоже слушает и тоже молчит. И глаза по-куриному прикрывает.

— У меня срочное задание, — горячится прораб. — Двести тысяч надо освоить! Понятно? Двести тысяч целковых! Это не шуточки! А тут из-за каких-то паршивеньких кустиков такой шум-гром, прямо атомный взрыв. Да я закончу стройку, а потом снова вам эти кустики-цветочки посажу! Нюхайте на здоровье!

— Я всё-таки не понимаю, зачем портить сквер? — спокойно говорит директор и бородку свою дёргает. Он всегда, когда сердит, бородку дёргает, будто выщипать её хочет.

Прораб ещё пуще горячится.

— И вообще, — кричит, — что за методы? Ну не нравятся, напиши жалобу в трест, ну в газету сообщи. А это что? Демонстрацию какую-то надумали! Советские пионеры против советских строителей!

Как сказал про демонстрацию, я сразу Витьку Горышина из восьмого «А» вспомнил. Он тоже про демонстрацию и ещё про пикетирование твердил. Ну, думаю, атмосфера накаляется.

Тут и Тимка не выдержал.

— Насчет методов не знаю, — говорит, и голос пронзительный, как у петуха. — А тополя портить не позволим! Мы их сажали, а вы...

— А чем плохой метод? — говорит директор и бородку щиплет. — Как видите, действенный. А это самое главное.

И носит этот метод, я бы сказал, общественный характер.

Тут прораб совсем разорался, заявил, что он будет жаловаться в райком и ещё куда-то, но директор повернулся и ушёл.

А перед уходом украдкой подмигнул Тимке. В самом деле, подмигнул! Чуть-чуть. Краешком глаза. Или это мне только показалось? Вообще-то не такой человек наш директор, чтобы ученику подмигивать.

Ну, ушёл директор, прораб у себя в «крепости» скрылся, а тут машины стали подкатывать — с раствором, с какими-то бочками, с песком. Все грузовики до единого мы завернули и в объезд пустили. Шофёры уж не очень-то и сопротивлялись.

До самого конца рабочего дня мы дежурили.

Уже в сумерках идём мы с Тимкой домой, а я говорю:

— Как бы он в самом деле в райком не наябедничал? Помнишь, Витька Горышин говорил: политический скандал...

Тимка промолчал. Но я-то видел, что он встревожен. Когда уже подошли к дому, он сказал:

— А всё-таки мы его допечём. Из принципа!..

Назавтра после школы мы спать взяли плакат и пошагали на стройку.

Пришли и остановились, удивлённые. Наш «заслон» больше не требовался. Там, где через сквер меж деревьями шла глубокая колея, теперь был воткнут шест с надписью:

«Проезд закрыт». Стрелка показывала, как делать объезд. Досок, сваленных на траве, не было. Не было и кирпичей, и груды строительного мусора. Когда всё это убрать успели? Ночью? Или рано утром?

— Интересно, — сказал я Тимке, — звонил прораб в райком? Или нет?

Тимка пожал плечами.

— А может, всё наоборот? — вслух подумал я. — Может, прораба там взгрили? То-то он нынче такой паинька!

Тимка опять пожал плечами.

— А может, не звонил? Сам, так сказать, осознал?

— Во-во! Под давлением об-

щественности! — подмигнул Тимка, и все вокруг заулыбались.

ПОСЛЕ этого случая ребята уже не очень-то смеялись над Тимкой, когда он влипал в очередную историю. А когда и посмеивались, обязательно кто-нибудь состроит серьезное лицо и, приставив палец ко лбу, как это делала Валя, скажет:

— А всё-таки в Тимофее Горелых есть что-то такое... государственное...

С тех пор его перестали дразнить «курицей» и «историческим ребёнком», а часто звали «государственный Тимка».

Л. Барбас

Сергей Иванов с физкультуры сбежал

Сергей Иванов с физкультуры
сбежал!

Войдите в его положение:

Он книжку о лётчике смело
читал,

А нынче достал продолжение.

Урок физкультуры — пустячный
урок.

Пускай отдувается кто-то.

А книгу знакомый один паренёк
Ему одолжил до субботы.

И вот уже дома, забыв обо всём,
Читает Сергей в упоенье...

Взревели моторы,
внизу под крылом
Земля поплыла в отдаленье.

Для смелых людей нипочём
высота!

Ведут выше туч самолёты...

Эх, есть у Серёги большая
мечта —

Учиться пойти на пилота!

Он хочет о жизни отважных
людей

Узнать всё подробно вначале,
А это, конечно, куда поважней
Занятий в их школьном
спортзале.

Не знает Сергей, что
бесстрашный герой,

Тот самый, о ком эта книжка,
Был в школьные годы спортсмен
неплохой,

Любил физкультуру
мальчишка!..

К Л Ю Ч

Серёжка недавно был в цирке и теперь решил стать акробатом. И нас уговаривал.

Мы пошли в дальний конец сквера, и Серёжка стал нас учить. Надо было согнуться углом, упереться головой в землю и сильно оттолкнуться ногами. Серёжка говорил, что это проще простого: «Р-р-раз!» — и стоишь на голове.

Но получалось совсем не так. «Р-р-раз!» — и не стоишь на голове, а только ноги чуть-чуть подпрыгнули. «Р-р-раз!» — и лежишь на спине, в небо смотришь. Я себе чуть шею не свернул, даже хрустнуло что-то.

Потом мы пошли домой.

— Это ничего, что не получается, — говорит Серёжка. — Главное — тренировка. Теперь каждый день будем туда ходить.

Мы с Витькой молчали. У меня так болела шея, что голова не поворачивалась.

А потом оказалось, что я потерял ключ.

Я стоял перед закрытой дверью нашей квартиры и в третий раз выворачивал все карманы. Но ключа всё равно не было. Наверное, он выпал, когда я учился на акробата. Я со всех ног побежал в сквер... и чуть не столкнулся с папой.

— Ты куда несёшься, Чижик? — спросил папа.

— В сквер.

— А ты уже обедал?

— Ещё нет.

— Кру-у-у-гом! — скомандовал папа. И мы пошли домой. Папа обеими руками придерживал какие-то пакеты и шёл очень быстро. Я за ним еле успевал.

— Ну-ка, Чижик, открывай быстренько, — сказал папа.

Я стал снова выворачивать карманы.

— Что это ты вздыхаешь? — спросил папа. — У тебя есть ключ?

Я отвернулся и ничего не сказал.

— Посеял? Это, кажется, уже третий?

— Второй.

Папа засмеялся:

— Ох и растяпа! В кого ты только пошёл такой?!

Папа передал мне все пакеты и засунул руки в карманы. Он долго искал, перекладывал из кармана в карман папиросы, спички, кошелёк, а потом посмотрел на меня и как-то странно улыбнулся.

— Ну и дела, Чижик!.. Как же мы домой попадём?

Ух, как я обрадовался! Теперь-то понятно, в кого я такой пошёл!

— Ты чего веселишься? —

спросил папа. — Ты не очень-то радуйся: влетит нам от мамы.

Мы вышли на улицу и стали ждать маму. Смешно! Стоим под своими окнами, а домой попасть не можем. Окна у нас на втором этаже, от-

крыты настежь, а дома грибной суп и котлеты. Мне вдруг так есть захотелось, что даже слюнки потекли.

А мамы всё нет и нет.

Вдруг я даже подпрыгнул от радости. Это же очень просто! Надо залезть в окно и открыть дверь изнутри! Около самого нашего окошка проходит водосточная труба. Забраться по ней — пустяковое дело!

Но папа не очень-то обрадовался.

— Ну, ну, не выдумывай, — сказал он. — Шею сломать хочешь?

Он сам подошёл к трубе и потрогал её, потом дёрнул.

— Крепкая, — сказал он и посмотрел на окно.

— Можно? — спросил я.

— Нет, нет. Это глупо, — сказал папа и снова дёрнул трубу.

— Ну вот что, Чижик, — сказал папа. — Держи пакеты, а я попробую забраться туда. — И он полез по трубе.

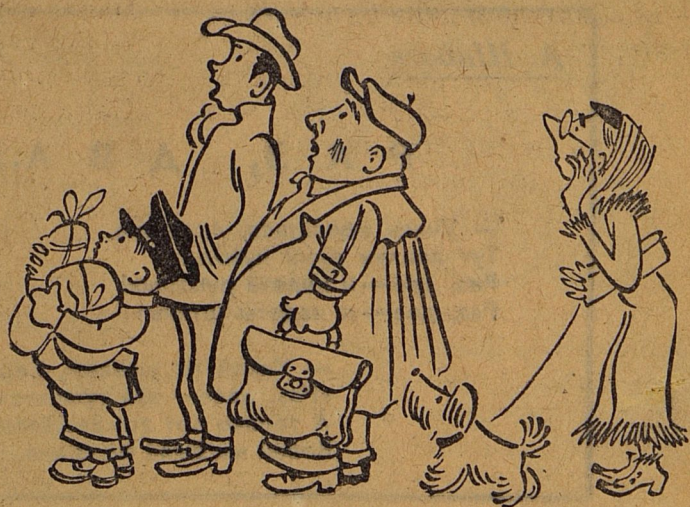
Я стоял внизу и говорил папе, куда ставить ногу. Потом рядом со мной остановились два дяденьки. Потом ещё кто-то. И ещё, и ещё — целая толпа. И все давали папе советы.

Он был уже совсем близко от окна, когда раздался свисток. Я оглянулся — милиционер свистит. Он пробрался сквозь толпу, подошёл к водосточной трубе, постучал по ней согнутым пальцем и сказал:

— А ну-ка, гражданин, слазьте!

— Да вы не беспокойтесь, я уже почти добрался, — отвечает папа.

— Вот это-то меня и беспокоит, — говорит милиционер, — немедленно слазьте.

Папа подумал немного и стал спускаться. Только он спрыгнул на тротуар, милиционер взял его за руку и сказал:

— Пройдёте, гражданин.

Тут уж я не выдержал:

— Это не гражданин, а мой папа, — и я взял папу за другую руку.

Папа покраснел и говорит:

— Понимаете, у нас нет ключа.

— Понимаю, — говорит милиционер. — Откуда бы ему взяться!

В толпе кто-то громко спросил:

— Поймали голубчика?

И вдруг я услышал мамин голос. Из-за толпы её не было видно, только слышно было, как она спрашивала: «Что случилось? Кого поймали?»

— Мама! — закричал я. — Это нас поймали! Меня и папу!

Толпа расступилась, мама

пробралась к нам и очень испугалась.

— В чём дело? Что вы натворили? — громким шёпотом спросила она.

Папа покраснел ещё больше и ничего не ответил.

— Я этого гражданина с трубы снял, — сказал милиционер, показывая на папу.

— С трубы? С какой трубы? — удивилась мама.

— С водосточной, — ответил милиционер, — он хотел вон в то окошко забраться.

Мама посмотрела на наше окошко, потом на нас, потом снова на окошко и вдруг как начала смеяться!..

Она так смеялась, что я не выдержал и тоже захохотал. Милиционер удивлённо посмотрел на нас, о чём-то подумал и вдруг тоже засмеялся. Тогда засмеялись и все вокруг. Даже папа улыбнулся и взъерошил мне волосы.

И мы пошли обедать.

А. Шибает

Р А З, Д В А...

— Учись одеваться, Аркашка,
Тут ловкие руки нужны:
Раз, два — и надета рубашка!
Раз, два — и надеты штаны!

— Какой ты умелый, Серёжка!
«Раз, два» — это нравится мне.
А только вот эта застёжка
Вовек не была на спине...

Как образуется улица

С дядей Петей Ивановым
с тётей Машей Ивановой
жил сынишка в доме новом,
а сынишку звали Вовой.

Скучно было дяде Пете
без Петрова дяди Феди.
Не с кем в поле выходить,
не с кем рыбку поудить!

Скучно было тёте Маше
без Петровой тёти Даши,
не с кем ей поговорить,
как получше суп варить.

Скучно было Вовке
без Петрова Вовки.
Не с кем в прятки поиграть,
не с кем на реку удрать.

И семейство дяди Феди
рядом выстроило дом.
Как чудесно жить на свете
в новом доме голубом!

Только вот семье Петровых
скучно жить без

Соколовых,
Соколовым — без

Черновых,
а Черновым — без Беловых
и без дедушки Кротова...
Вот и улица готова!

Так образуется улица.
Постепенно она образуется:
Дом... другой... аптека...

почта...
баня... клуб... универмаг...
Это, может, и неточно,
но скорей всего, что так!

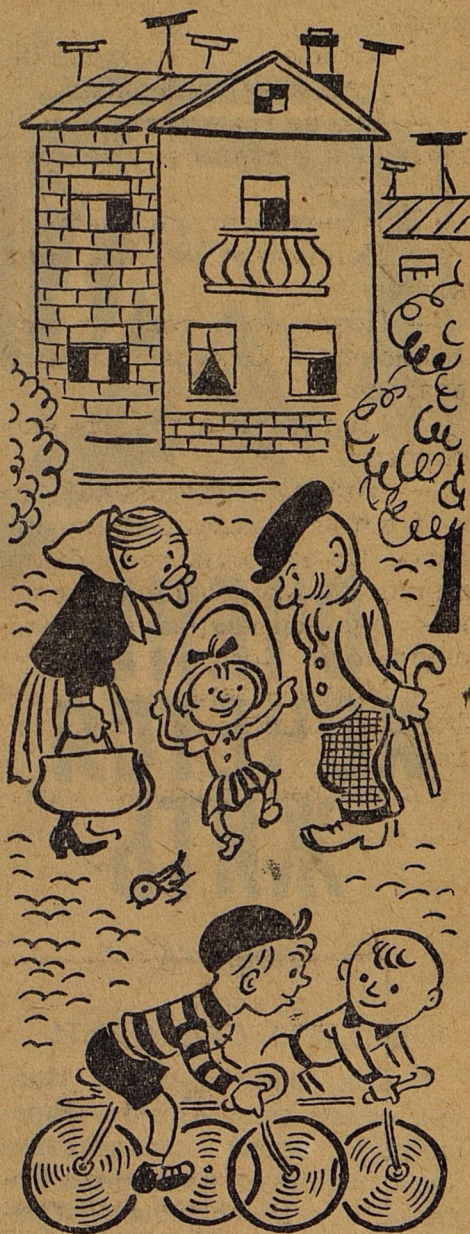

Рис. Г. Ясинского

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

ВСТАТЬ! СУД ИДЁТ!

В колхозном клубе в Низках судят дядю Петю — «пресвитера секты пятидесятников», бандита и изменника Родины. Судят старика — «брата» Гавриила, проповедника этой секты, бывшего фашистского старосту, который шестнадцать лет скрывался от кары. Уже третий день идёт суд.

¹Окончание. Начало см. «Искорку» № 4—10 за 1962 г.

Клуб большой, но в нём негде повернуться. Люди сидят на подоконниках, плотно прижавшись друг к другу, стоят в проходах, толпятся у открытых дверей и в коридорах. Они пришли сюда не только из окрестных деревень, многие приехали за сотни километров, оттуда, где хозяйничали когда-то дядя Петя и старик.

В первом ряду сидят «бешеные». И никто не занимает их места. По утрам Артём Палыч на машине привозит меня сюда. Я полулежу в глубоком кресле на сцене, и мои ноги закутаны одеялом. Отсюда я хорошо вижу лица тех, кто сидит в первом ряду, — растерянные, угрюмые лица.

Вчера выступал профессор Сокольский. Он вцепился в края трибуны так, что у него

побелели пальцы, и дядя Петя смотрел на эти пальцы из-под прикрытых век и не мог оторвать от них взгляда. И люди замерли, прислушиваясь к глухому неторопливому голосу профессора, рассказывавшего историю одного предательства.

— Зимой 1942 года связная нашего партизанского отряда комсомолка Ольга Яковичская сообщила нам, что ночью в лесную деревушку Прилуки прибрёл окровавленный, измученный человек в порванном ватнике и разбитых кирзовых сапогах. Он свалился у хаты деда Казаника. Услышав шум, дед вышел на крыльцо и внёс человека в хату.

Дома дед обтёр раненого снегом, перевязал ему чистой холстиной руку выше локтя и уложил в кровать. А когда человек пришёл в себя, он рассказал, что зовут его Владимиром Кольцовым, что он лейтенант Советской Армии и бежал из Ветковского концлагеря. По дороге он наравался на немецкую заставу, и ему прострелили руку. Он потерял очень много крови и, если бы не дед Данила, замёрз бы, потому что идти дальше у него не было сил.

Трёх сыновей отправил дед Данила в Красную Армию, а четвёртый, меньшой, Андрейка, ушёл в партизаны. Как же ему было не укрыть, не схоронить красного командира, который, рискуя жизнью, вырвался с фашистской каторги!

Кольцов попросил деда спрятать его получше, потому что

фашисты непременно пойдут по его следам.

— А может, лучше уйти мне? — сказал он. — Найдут — расстреляют тебя, старик. И от хаты твоей головешек не останется.

Крепко обиделся на него тогда дед Данила.

— Пустое говоришь, — ответил он. — Не найдут. А найдут — ну что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Больно слаб ты, уходить тебе никак нельзя.

Спрятал он Кольцова на сеновале. Не лежалось ему в хате, всё облавы ждал. И ведь как в воду глядел: к утру нагрянули в Прилуки эсэсовцы. Всю деревню кверху дном перерыли, всех людей переспросили — никто ничего не видел.

Побывали они и у деда Данилы. Заглянули в погреб, под печь. Пошарили на сеновале. Дед стоял и ждал, что вот-вот вытащат оттуда Кольцова. И хмуро смотрел себе под ноги.

Но фашисты уехали ни с чем: не нашли раненого. А на завтра в газетке немецкой было напечатано, что удрал из лагеря лейтенант Кольцов и кто поможет его поймать, получит в награду пять тысяч марок, две коровы и десять десятин земли. Видно, важная птица был этот пленный командир, не поскупились фрицы на награду.

С неделю пролежал Кольцов у деда на сеновале. Окреп. Рана на руке совсем затянулась. И начал он по вечерам всё чаще и чаще говорить Да-

нине, что негоже ему отлёживаться здесь, когда война идёт и народ на борьбу с врагом поднимается.

Дед хорошо понимал, к чему клонит лейтенант.

— Святую правду говоришь, сынок, — отвечал он. — Только рано тебе ещё думать об этом-то. Отлежись, отдохни, хватит ещё и на твою долю войны, будь она проклята.

А сам связался с Ольгой и попросил её передать нам о своём постояльце. Сам ему о партизанах не говорил. Мудрый был старик, ещё в гражданскую конспирацию постиг.

В ту пору к нам часто прибывали люди, удравшие из фашистских концлагерей и тюрем. Шли в одиночку и группами, кто с винтовкой или автоматом, а кто и с топором. Шли — и сражались, не жалея крови, за Советскую власть. Но попадались среди них и предатели, которых фашисты специально засылали к нам, чтобы выведать место расположения отряда, а потом уничтожить его.

Вот и Кольцов почему-то вызвал у меня подозрение. Я и сказал Ольге, пусть повременит, присмотримся к нему поближе.

Через несколько дней прибегает она бледная, чуть дыхание переводит. Что такое? В чём дело?

— Староста Гаврила, — говорит, — к Казанику приходил. На сеновал лазил. Всё расспрашивал деда Данилу, не

приблудился ли к нему этот самый Кольцов. Больно уж премия за него большая положена. А потом, видно, заметил что-то: не прощаясь, домой побежал, заложил сани и в волость укатил.

Я аж похолодел. Вот тебе и сомнения. Пропал человек, как пить дать пропал.

— А вы что? — кричу.

— Мы его к нам перевели, — отвечает Ольга. — В подполе спрятали.

Отлегло у меня на сердце.

— Вот что, — говорю, — приведи его в отряд. Только смотри, на немцев не напорись.

Как угадала Ольга — за карателями ездил староста. Окружили они хату деда Казаника и — на сеновал. Всё сено по травинке перебрали — нет Кольцова.

...Сокольский глотнул воды из стакана, разжал пальцы и посмотрел на дядю Петю. Тот беспокойно заёрзал на своей скамейке, за которой стояли два милиционера, а затем закрыл глаза и затих.

— Долго пытали каратели деда Данилу, всё допытывались, куда он красного командира девал. Ничего он им не сказал. И тогда повесили старого Казаника на липе, что росла у его хаты. А хату сожгли. Только труба от неё осталась.

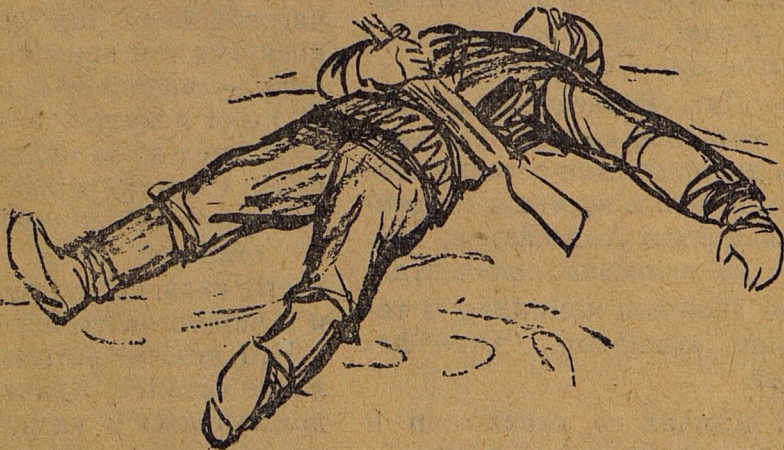
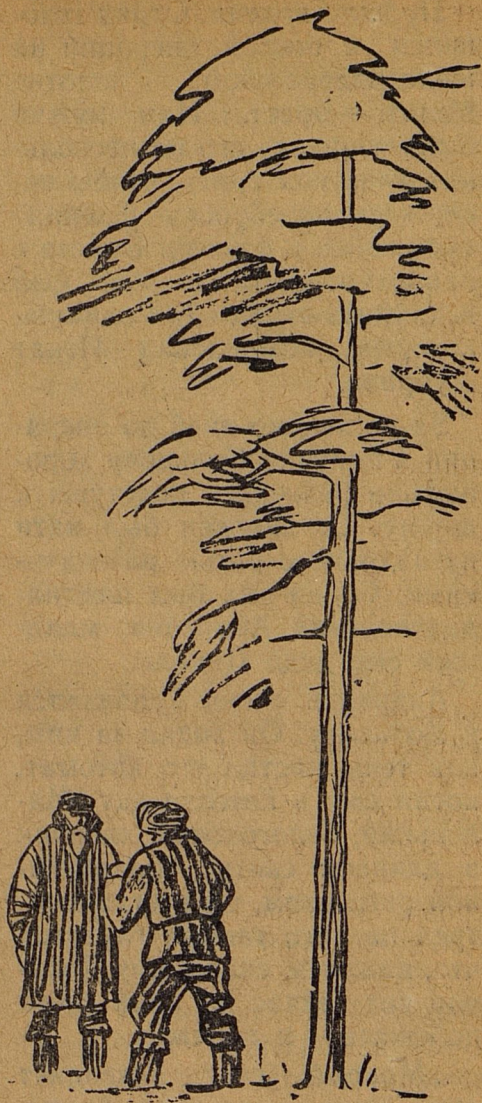
Той же ночью Ольга привела Кольцова в отряд. Он сидел в землянке, небритый, с запавшими глазами, и рассказывал нам про деда Данилу. И слёзы текли по его щекам.

Потом он снял сапог, оторвал подмётку и достал оттуда партбилет, выданный на имя Владимира Ивановича Кольцова.

Он рассказал нам, как в бою на Волоколамском шоссе был подбит его танк, как успел он, раненный в плечо, вылезти из горящей машины и спрятать в сапог партбилет, как потом потерял сознание и очнулся только к вечеру, услышав над собой чужую речь. Так он попал в плен. А потом были концлагери в Киеве, Гомеле, Бобруйске и, наконец, в Ветке. Он несколько раз пытался бежать, но неудачно. Ловили, били, мучили голодом в карцере... И всё же он убежал.

Мы рассматривали потёртый, весь в потёках партбилет двадцатилетнего танкиста и в душе дивились мужеству и отваге его, и завидовали его силе. Нет, не зря, пожертвовав жизнью, спас его от фашистов дед Данила!

Так Владимир Кольцов стал партизаном нашего отряда. Назначили мы его начальником разведки.

Прошла неделя. Отряд готовился к боевой операции на железнодорожном полотне Минск—Брест. Нам нужно было взорвать его на нескольких участках сразу, чтобы задержать переброску фашистских войск к фронту. Вместе с нашим отрядом должен был выступить отряд «За Родину!», которым командовал Игнат Дубрава.

За несколько дней до операции я поручил Кольцову хорошенько разведать подступы к дороге. Он должен был идти на задание с пятью разведчиками. Среди них был шестнадцатилетний Андрейка, младший сын деда Данилы.

Андрейка очень привязался к Кольцову. Он ходил за ним, как тень, чистил его автомат, носил ему в котелке еду. Маленький, белоголовый хлопчик в длинной свитке, подвязанной ремешком, он всегда смотрел на него такими глазами, что, кажется, скажи ему Кольцов вот сейчас на край света побежать — и побежит.

...Мокрый снег залепляет окна. Тихо-тихо в зале. Застыли люди, слушают рассказ профессора Сокольского.

— Да... Разведчики начали готовиться к выходу. На заре они должны были оставить лагерь. А ночью ко мне в землянку ввалился Андрейка и, трясясь от волнения, прошептал:

— Товарищ командир, а товарищ командир... Он — фашист.

Я вскочил со своих нар и схватил Андрейку за плечи:

— Ты что? Что-нибудь узнал?

Андрейка кивнул:

— Он меня сегодня в другую землянку спать отправил. И раньше иногда отправлял. Душно, говорит, иди ты, а то я всю ночь заснуть не могу. Ну, я и уходил. Верно ведь, землянка у нас махонькая, там и одному повернуться негде. А мы — вдвоём.

Только сегодня заснуть я не мог. Завтра — в разведку, а у меня перед глазами батя стоит. Мать-то у нас перед самой войной померла. И так мне захотелось с кем-нибудь о бате поговорить — спасу нет. А с кем? Ольга на задание ушла, только с Владимиром Иванычем. Мы с ним часто о бате говорили, очень он его жалел. Ну, и пошёл я к нему. Думаю — не обидится, что разбужу, всё-таки батя через него погиб.

Захожу в землянку — пусто. Вышел я — и вдруг словно всхлипнул кто-то там, где наше охранение стоит. Я тихонько туда. Гляжу, что-то чёрное под кустом. Нагнулся, а это часовой Федя Долгунцов. Прикоснулся я к нему и отдёргнул руку — мокрой от крови стала. Я тогда в кусты. А в эту минуту луна из-за облака выглянула. Смотрю, стоят под сосной двое — Владимир Иваныч и староста наш, Гаврила. Я его, гада, сразу узнал. Стоят и о чём-то шепчутся.

Что делать? Автомат в землянке остался. Кричать? Пока докричишься — удерут. Я тогда тихонько — к вам.

— Кольцов ещё там? — спросил я.

— Вернулся, — отвечает Андрейка. — Я еле успел возле вашей землянки спрятаться, когда он возвращался.

— Идём, — говорю я Андрейке и выхожу из землянки.

И тут я совершил ошибку, которую, сколько жить буду, себе не прощу. Слишком ненависть во мне кипела, чтобы мог я спокойно подумать о том, как взять предателя, слишком на свои силы понадеялся. Да и то ведь сказать — было мне двадцать три года, и успел я до войны только три курса мединститута окончить, а военную мудрость уже постигал потом, когда командиром отряда стал.

Распахнул я дверь его землянки и включил фонарик. А он подхватился с нар, пистолет из-под подушки:

— Кто там?

— Руки вверх, — говорю, — фашистский прихвостень! Бросай оружие.

И в ту же минуту он выстрелил. Но на какое-то мгновение Андрейка опередил его и зашлонил меня своим телом. Я дважды выстрелил в него и почувствовал, как, будто меня молотом по голове стукнули. В сознание пришёл в нашем госпитале. Там мне сказали, что Кольцов успел скрыться.

Операция была отменена, да, впрочем, уже не до неё нам было. Кольцов привёл карателей в расположение бригады, и мы едва вырвались из окружения. Сотни наших лучших

партизан погибли тогда в жестоких боях, умер от раны бандита Андрейка Казаник.

Сокольский отхлебнул из стакана воды, и все видели, как дрожала его рука, все слышали, как тоненько зазвенело стекло. Шрам под правой бровью у него побелел, на высоком лбу выступили крошечные капельки пота. Дядя Петя сидел, втянув голову в плечи, и острый кадык его бегал взад-вперёд по заросшей волосами жилистой шее. Старик беззвучно шевелил губами.

— Он умирал, Андрейка, — запинаясь и с трудом подбирая слова, продолжал Сокольский, — и всё спрашивал у меня: «Товарищ командир, а товарищ командир... Ну как же это так?.. За что же они батю убили? За что, а?»

И я ничего не мог ему ответить.

Профессор выпрямился во весь рост и повернулся к дяде Пете и «брату» Гавриилу.

— Из-за них погиб Андрейкин батя, Данила Казаник. Он, — и дядя Петя съёжился, как под ударом, — убил Андрейку. Он убил Владимира Ивановича Кольцова, который тяжело раненным попал в плен, и присвоил его документы, чтобы попасть к партизанам и завоевать их доверие. Он и старик, который сидит рядом с ним, убили десятки, сотни советских людей. У них было много разных фамилий, имя же им одно — убийцы.

И тогда со своего места встала женщина, которая по

воскресеньям приходила к нам с маленьким ребёнком и громче всех призывала «святой дух» снизойти на неё. Она поднялась на сцену, худая, усталая, с лиловыми мешками у глаз, в чёрном платье и чёрном платочке, затынутом узлом под острым подбородком, подошла к дяде Пете и плюнула ему в лицо. Потом молча спустилась вниз и вышла из зала. И люди в проходе раступились перед ней. Бабушки в первом ряду плакали и утирали рукавами глаза, старики шумно сморкались.

Как хорошо, что в клубе нет мамы.

...Сегодня уже выступали люди, которые хорошо знали дядю Петю, когда он после побега из отряда стал начальником полиции города Далёкого, а старик — бургомистром. Выступали родственники повешенных, расстрелянных, замученных в застенках гестапо людей. Сегодня выступал я. Я рассказал о том, как впервые увидел его, как он не разрешал маме вызвать ко мне

врача, заставил её забрать меня из санатория, как моя мама перестала пить и улыбаться и начала молиться богу, как он привёз нас сюда. Я говорил о бешеных и о сговоре дяди Пети со стариком, о том, как я поджёг дом и об Артёме Палыче. И о дружиннике Андрее, которого убил дядя Петя, — он уже сознался в этом, прижатый к стене следователем и выданный стариком, который топил его, чтобы спасти свою шкуру. И ещё — о Митьке и Севке, а больше всего — о Кате, о смелой и доброй Кате — моём самом лучшем, самом дорогом друге. И люди слушали меня и по-прежнему толпились у дверей и в проходах, и ни один человек не вышел из зала.

А потом был перерыв, и опять люди не выходили из зала. И, наконец, молоденький милиционер звонко-звонко сказал:

— Встать! Суд идёт!

Все встали, и я тоже выпрямился в своём кресле. Только дядя Петя и старик остались

сидеть на своей скамейке, и я знаю, что они больше никогда не войдут в мою жизнь. И в мамину. И в жизнь людей, которые стоят сейчас в первом ряду.

НАЗАВТРА я и профессор уезжаем. Маму дядя Егор уже увёз в Минск, она тяжело заболела.

Возле нашей машины — весь Катин класс. Она наклоняется надо мной, и обгоревшие косички её щекочут мне лицо. Я обнимаю её и шёпотом спрашиваю:

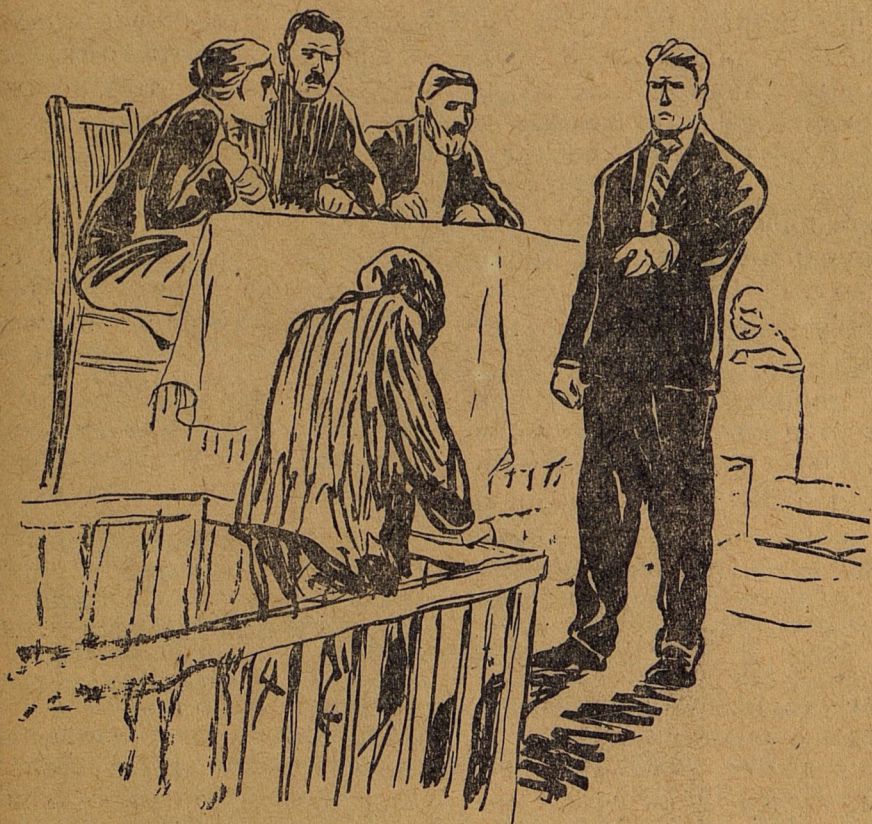
— Где Танька?

Она кивает на высокую толстую девочку с длинными чёрными косами, которые выбиваются из-под белой шапочки. Девочка стоит в стороне. Катя добродушно улыбается ей.

— Будешь писать? — спрашивает она у меня.

— Конечно, — отвечаю я. — А летом мы приедем к вам. Всем отрядом. Я тебя познакомлю с Венькой, с Алёшкой, с Томой... Это замечательные ребята! Замечательные!

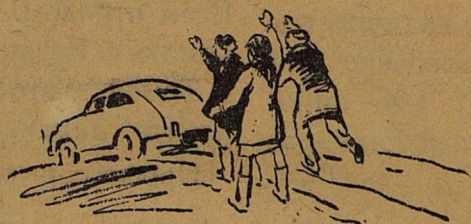
Профессор садится за ба-

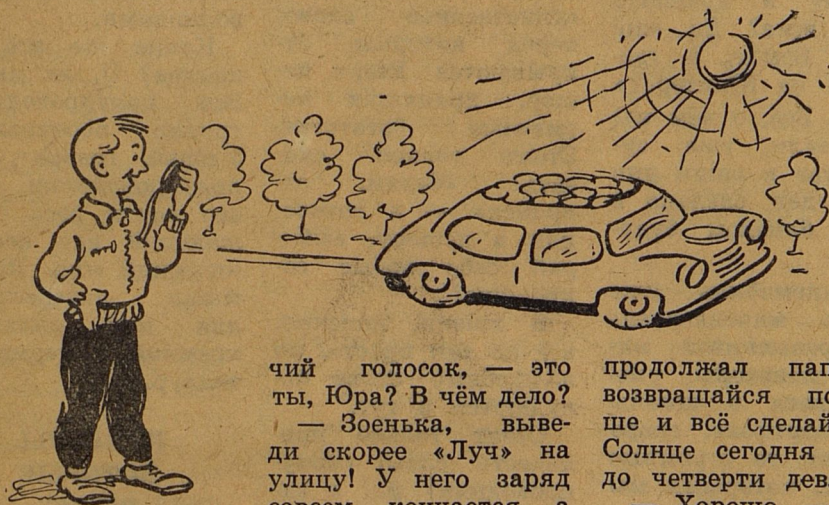
ранку машины. Катя аккуратно захлопывает дверцу. Я открываю стекло и высовываю голову. Ребята машут мне. Машина трогается. Катя, Сева и Митя бегут за ней и что-то кричат. Я не могу им ответить — сухой ком сдавливает

мне горло, а ветер выжимает из глаз слёзы.

До свидания, славные мои, хорошие мои друзья! Я обязательно приеду к вам, обязательно приеду. Я люблю вас, слышите? И всю жизнь буду любить.

Между сказкой и былью

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЮРКА

Солнце сияло над городом.

Юрка шёл к стадиону, размахивая теннисной ракеткой и напевая песенку.

Песенку эту он только что услышал. Ещё и пяти минут не прошло, как он засунул в ухо свой радиоприёмник, и сразу же передали эту замечательную песенку.

А солнце пекло всё сильнее и сильнее.

— Какая же я балда! — остановился Юрка внезапно и, вытащив из нагрудного кармана телефон, нажал кнопку.

— Да, да, я слушаю, — проговорил тоненький девчоно-

чий голосок, — это ты, Юра? В чём дело?

— Зоенька, выведи скорее «Луч» на улицу! У него заряд совсем кончается, а завтра утром надо ехать. А потом, если хочешь, приходи на стадион, только захвати с собой телевизор, он меня в портфеле. — Юрка хотел сказать ещё насчёт фотоаппарата, но в это время из телефона раздался строгий мужской голос. По тому, как вытянулось Юркино лицо, можно было сразу понять, что к телефону подошёл папа.

— Если ты сам не будешь заботиться о своём солнцемобиле, то я его у тебя заберу.

— Папочка, это в последний раз, — прошептал расстроенный Юрка. — Я очень на теннис спешил.

— Ну так вот, —

продолжал папа, — возвращайся пораньше и всё сделай сам. Солнце сегодня будет до четверти девятого.

— Хорошо, — сказал Юрка и засунул телефон в карман.

Наверно, Юрка здорово расстроился. На теннисном корте он с первой же подачи так стукнул по мячу, что тот взлетел над верхушками деревьев и пропал из виду.

— Что с тобой? — закричали ребята, окружившие корт.

— Сорвалось, — печально ответил Юрка. — Сейчас я сбегаю за мячеискателем.

Через минуту Юрка уже стоял на середине корта с чёрной блестящей коробкой в руках. Он снял с неё крышку и начал медленно поворачивать коробку. Вдруг коробка пронзительно запищала.

— Он там, за ста-

рой сосной, — сказал Юрка и побежал к сосне. Точно, под деревом лежал мяч...

«Это что за фантазия? — спросите вы. — Действие происходит в двадцать пятом веке? Да ещё не на Земле, а где-нибудь на Юпитере?»

Нет! Всё, о чём мы рассказали, уже существует в наши дни или будет сделано в самом близком будущем.

Солнцемобиль уже ездил; мячеискатель уже разыскивал мячи; телевизоры, умеющие в школьном портфеле, скоро заменят те огромные ящики, которыми мы пользуемся сейчас.

Но это ещё не всё. Специальные батареи, установленные на крышах домов, будут снабжать нас солнечной энергией, и ненужными станут в домах печи и паровое отопление — маленький приборчик будет регулировать климат в наших комнатах: зимой обогревать, а летом охлаждать.

«СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ...»

Вы помните, ребята, в сказках попадаете иногда такое таинственное, волшебное слово, единственное слово, перед которым открываются двери пещер, хранящих несметные богатства. Стоит только сказать: «Сезам, откройся» — и готово, иди в пещеру, выбирай себе любые сокровища!

В жизни, конечно, всё не так просто, но волшебные слова попадают и тут.

Стоит только произнести слово «полупроводник» и... в ваших руках окажется ключ ко всем чудесам, о которых мы писали вначале.

Но прежде всего давайте поговорим о значении этого странного слова.

Отбросим сначала частичку «полу».

В физике проводниками называются вещества, по которым хорошо идёт электрический ток. Вещества, по кото-

рым ток не идёт совсем, называются изоляторами.

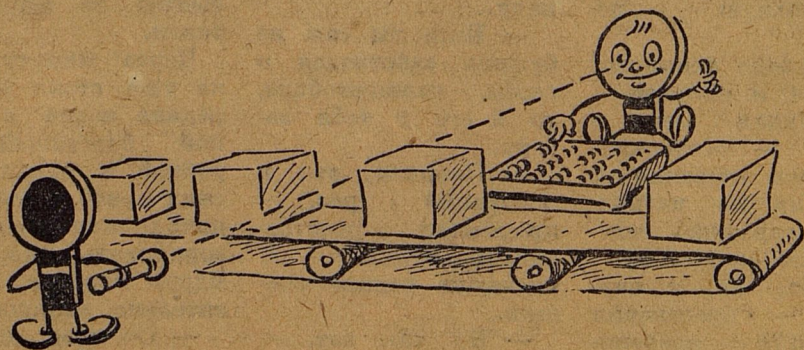
А все остальные, которые не относятся ни к изоляторам, ни к проводникам, называются полупроводниками.

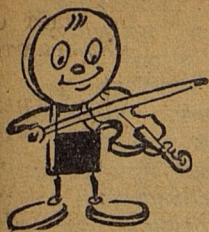
Какие же это вещества? О, их много! Все полупроводники трудно перечислить. Учёные говорят, что полупроводники — это почти весь окружающий нас неорганический мир. Но самыми интересными для них являются кремний, германий, теллур.

ПРИБОРЫ, КОТОРЫЕ ВИДЯТ

Полупроводники обладают многими замечательными свойствами. Расскажем о них по порядку.

Если по полупроводнику идёт электрический ток, то силу этого тока полупроводник будет изменять в зависимости от того, как он, полупроводник, освещён.

Приборы, основанные на этом, называются фотоэлементами.

В наши дни фотоэлементы применяются повсюду в технике, а скоро будут встречаться буквально на каждом шагу. Дело в том, что фотоэлементы совершенно незаменимы при автоматическом управлении.

Вот, например, на заводах фотоэлементы предохраняют рабочих от несчастных случаев. Как только рука рабочего попадёт в опасную зону, тень от неё ляжет на полупроводник, — замкнутый в фотоэлементе. Ток уменьшается, и машина прекращает работу.

Часто полупроводники принимают непосредственное участие в производстве. Им поручают подсчёт готовых изделий. Бегут детали по конвейерной ленте мимо фотоэлемента, и тень от них падает на полупроводник. Фотоэлемент соединён со счётчиком. Каждая тень — это сигнал счётчику, который подаёт полупроводник, уменьшая ток. А счётчик уже сосчитает точ-

но, — он-то знает арифметику — наоборот, никогда не ошибается!

Вот как хорошо «видят» полупроводники! На этом «зрении» основано много разнообразных устройств, помогающих нам в жизни. Фото-телеграф, например, или звуковое кино. На каждой современной киноленте слева от кадра проходит «звуковая дорожка». Она состоит из тёмных штрихов разной длины. Луч света проходит через эту дорожку и попадает на фотоэлемент. Тёмные штрихи регулируют силу света, а уж по свету полупроводник изменяет ток. Другое специальное устройство превращает эти электрические колебания в звук, который мы и слышим с экрана.

Так что, если бы не полупроводники, пришлось бы показывать кинокартины с надписями, а музыку бы играл пианист за экраном, как это и было во времена немого кино.

Но вот после киносеанса мы выходим на улицу. Полупроводники заботятся о нас и здесь: следят

за тем, чтобы нам было светло идти домой. Они наблюдают за уменьшением дневного света, вовремя включают уличное освещение.

Точно так же они включают сигнальные огни на дорогах, бакены на реках и всякие другие средства сигнализации.

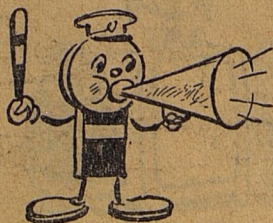
ГРАДУСНИК УСТАРЕЛ

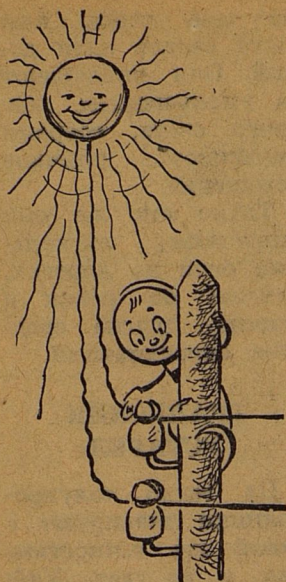
На тепло полупроводники реагируют с такой же точностью, как и на свет. Учёные изготовили миниатюрные полупроводниковые приборчики — термисторы. Величина их иногда не превышает крупинки, а оказывают они учёным огромные услуги.

Если термистор нагреть, то по нему пойдёт ток. Сила тока зависит от электрического сопротивления, а сопротивление от температуры. Значит, по силе тока можно узнать температуру. Термисторами и пользуются в тех случаях, где никакой градусник не поможет. Например, измеряют температуру в доменной печи.

ДРЕССИРОВАННОЕ СОЛНЦЕ

Но самое ценное свойство полупроводников можно было бы сформулировать так: они без участия машин пре-

вращают тепловую и световую энергию в электричество. Если бы полупроводниковые батареи заменили электростанции, это было бы и удобно и выгодно. Во-первых, можно было бы отказаться от дорогих машин-генераторов, при помощи которых мы получаем энергию сейчас. Во-вторых, появились бы новые источники энергии, которые пока пропадают даром — тепло водоемов, батарей центрального отопления и другие.

Но самое главное — солнечное тепло. Вместо того чтобы добывать нефть и уголь, люди установили бы на крышах домов полупроводниковые батареи, и те добывали бы для них солнечную энергию. Солнечного тепла, которое падает

на пустыню Кара-Кум, хватило бы, чтобы снабдить электроэнергией весь земной шар.

Солнцемобиль покатится, как только полупроводники снабдят его аккумуляторы энергией, полученной от Солнца.

Всё это не за горами, уже сейчас на искусственных спутниках Земли полупроводники снабжают радиопередатчики электроэнергией, выработанной прямо из солнечных лучей.

БАТАРЕЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МУЗЕЙ

А что получится, если произвести обратный опыт: пропустить ток через полупроводник? Оказывается, в этом случае одна часть полупроводника нагревается, а другая, наоборот, резко охлаждается. На этом явлении основаны полупроводниковые холодильники. Эти холодильники удобны ещё потому, что при желании могут и обогревать. Для этого надо только пере-

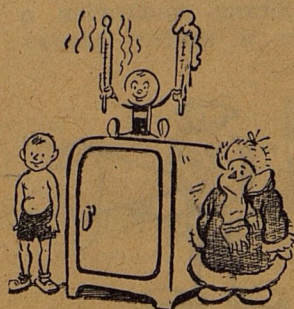
менить направление тока в полупроводниках, и всё. А раз такие приборы уже работают, значит, недалёк тот день, когда они придут к нам в комнаты, чтобы обогревать или охлаждать их. И последнюю отопительную батарею, конечно, перевезут в музеи, где её будут показывать вместе с телегой и керосиновой лампой как исторический экспонат.

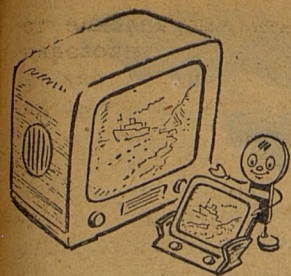
ЧЕМ МЕНЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

При переходе на полупроводники окружающие нас предметы станут гораздо меньше, удобнее, компактнее. Рабочая часть комнатного холодильника будет весить всего двести граммов. Уже появились холодильники размером с ручные часы. Они необходимы в медицине, чтобы охлаждать небольшие кусочки кожи при лечении некоторых заболеваний.

Радиоприёмник можно будет спрятать в футляр величиной с желудь и носить его, скажем, в ухе, как это делал наш герой Юрка.

Уже сконструированы полупроводниковые приёмники, помещающиеся в спичечном коробке, и, наверно, вам приходилось слышать, как у прохожего поёт карман. Значит, в

нём спрятан такой приёмник-крошка.

Да что там приёмник! Радиостанцию удалось запрятать в пилюлю. Большой глотает её вместе с

медицинским приборчиком. Приборчик делает необходи-

мые измерения внутри организма, сообщает полученные

данные на радиостанцию, а радиостанция передаёт их врачам.

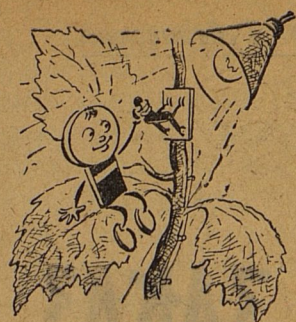
А в Ботаническом саду поставили такой опыт: определили,

сколько света надо растениям. На растения направили яркие лампочки, а прямо среди листьев поме-

стили полупроводниковые выключатели. Когда избыток света начинал мешать растениям, они сами, своими силами, давили на выключатели, спрятанные в листе, и лампы гасли. Вот какими маленькими и чувствительными могут быть приборы на полупроводниках! Но вместе с тем эти приборы не неженки, они гораздо прочнее и надёжнее большинства других приборов.

Теперь вы знаете все тайны из жизни Юрки. Его телевизор и телефон работали на полупроводниках, а мячешка был просто приёмником, который ловил сигналы полупроводниковой радиостанции, спрятанной в теннисном мяче.

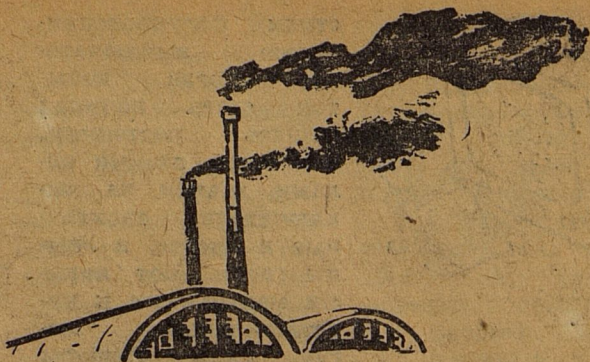
Мы рассказали далеко не обо всех чудесных свойствах полупроводников. Куда там! Для этого нужна целая книжка, или даже две!

ЭТО НАШЕ БУДУЩЕЕ

Полупроводники так заинтересовали учёных, что для них даже построили специальный дом, он находится в Ленинграде, на берегу Невы, и называется «Институт полупроводников Академии наук СССР имени академика Иоффе». Основателем науки о полупроводниках является наш соотечественник Абрам Фёдорович Иоффе, поэтому институт и назван в его честь. Учёный предсказывал, что в основу быта и техники будущего лягут две области физики: атомная энергия и полупроводники.

ЗАКАЗ ПУТИЛОВЦЕВ

Рисунки П. Вискова

Художника Бродского на «Красном путиловце» знали хорошо. В 1927 году он был на заводе частым гостем. Почти каждое утро через весь город спешил он на дребезжащем трамвае к заводским воротам. И как было не спешить: такого заказа художник никогда ещё не получал! Картину заказал ему не купец, не знатный сановник, — её заказали десятки тысяч рабочих прославленного на всю Россию завода.

От старших товарищей по искусству Бродский знал, как унизительно тяжела была для художников в дореволюционные годы заказная работа. Писать картины для привередливой знати, для украшения барских особняков, или портреты надутых вельмож и надменных барынь, — разве это искусство! Старухи брюзжали — напиши их непременно молодыми красавицами да выпиши кружева и шелка на платье, чтобы было богаче и наряднее. Обрюзгшие сановники позировали в орденах, лентах, в парадных мундирах, и каждый

хотел смотреть героем. Сущее мучение, а не работа! Но пришла революция и вышвырнула всех заказчиков в купеческих поддёвках и мундирах.

Однажды в мастерскую художника явилась делегация рабочих-путиловцев.

— Напишите нам картину, как Ленин на «Путиловце» выступал, — попросили они. — Был Владимир Ильич у нас на митинге в семнадцатом году двенадцатого мая. Вот от всего завода и просим.

Художник не сразу решился взяться за такую ответственную работу.

— Но ведь это трудно, товарищи. Как же я напишу, если не был на митинге?

— А мы-то были! Вон нас, стариков, сколько — расскажем! — настаивали делегаты.

— Ну, если так, давайте попробуем, — наконец согласился художник.

С этого дня он жил только одним — новой картиной. Читал Ленина, делал наброски и каждое утро спешил к заводским воротам.

Дежурная в проходной ещё издали узнавала его. Да и как было не узнать: длинные волосы, энергичное бритое лицо, — сразу видно — художник или артист.

— Вам к товарищу Газа? — улыбалась дежурная, приоткрывая окошечко.

— Да, к нему. Сегодня у нас опять собрание.

Дежурная уже снимала трубку местного телефона:

— Иван Иванович, к вам художник. Что? Пропустить? Сейчас выпишу пропуск... Проходите, товарищ Бродский. Скорее гудок...

Художник выходил на широкий заводской двор, и сразу же обступали его трудовые заводские будни: маневровый паровозик, пронзительно свистя, пересекал дорогу, из кузницы доносился грохот молотов, густой дым стлался по небу. Художник останавливался на миг: вот здесь это было — многотысячная толпа, а там, возле литейного цеха — наскоро сколоченная трибуна, и на трибуне Ленин!

С тех пор минуло 10 лет. Цеха сохранили прежний облик, он так и напишет их на картине. Но как воссоздать главное — образ Ленина? Владимир Ильич выступал здесь ещё до Октябрьской революции, в мае 1917 года. Завод отливал пушки для фронта, вытачивал снаряды. «Война до победного конца» — кричали газеты, кричали меньшевики-ораторы. А Ленин говорил о земле и о мире, о государстве рабочих, о том, что настало время взять

власть в свои руки. И народ, затаив дыхание, слушал слова ленинской правды.

Художнику было ясно: Ленин и народ — вот главная идея картины. Но как выразить эту идею в образах, чтобы не ошибиться ни в одной мелочи, ни в одной детали? На митинг рабочие собрались после первой смены. Это было часов в пять-шесть вечера. Значит, солнце стояло уже невысоко, светило с запада. Если день был солнечный, оно отражалось в стёклах заводских корпусов. Но какая была в тот день погода, как был одет Владимир Ильич, кто был в толпе — одни рабочие, или мастера, инженеры — хозяйские слуги? Всё это надо было узнать. Но недаром рабочие обещали художнику свою помощь: они крепко держали слово. Особенно ценными для художника были встречи с теми, кто десять лет назад был на митинге, кто видел Ленина своими глазами. Для этого Бродский и приезжал на завод...

Он уже достал из альбома лист бумаги, чтобы набросать ещё раз расположение цехов, но в эту минуту заревел заводской гудок, и художник, сунув альбом под мышку, заторопился к невысокому дому, где помещался партийный комитет завода.

— Здравствуйте, Исаак Израилевич! — встретил его худощавый человек с коротко подстриженными усами на бледном лице: — Присаживайтесь. Сейчас и старики наши соберутся...

Это и был товарищ Газа. С пятнадцати лет работал он на Путиловском заводе, в годы царизма участвовал во всех забастовках; в семнадцатом году, в Ораниенбауме, поднял войска на борьбу с полицией, а в Октябре вместе с рабочими и красноармейцами брал штурмом Зимний дворец. Теперь он руководил партийной организацией завода и первым подал рабочим мысль — создать картину об историческом выступлении Ленина перед путиловцами. Рабочие горячо поддерживали это небывалое предложение. Кто-то только спросил: «А где взять денег, товарищ Газа?» Рабочие зашумели: «Найдём. Надо будет — сложимся, кто по рублю, кто больше. А нас-то без малого двадцать тысяч!»

Но до этого не дошло. Слово взял представитель Союза рабочих-металлистов: «Складчины не нужно. Союз возьмёт на себя все расходы. И вашей рабочей гордости ущерба не будет: деньги Союза — это те же ваши, рабочие деньги».

Так был решён на заводе вопрос о создании картины..

Не успел отзвучать гудок, как стали собираться заводские старожилы, очевидцы ленинского выступления. Начались расспросы, рассказы, даже споры. В маленькой комнатке партийного комитета стало тесно. Старики дымили махоркой.

— Эх, Павел, неверно ты говоришь, — горячился пожилой литейщик с поросшим седой щетиной подбородком: — Ни-

какой охраны при Ленине не было. Один наш Ильич приехал.

— А рабочие? — возражал другой. — Или забыл: тот старик — не помню, как звали, — из ремонтного, что ли, даже на трибуну взобрался. Позади Ильича стоял. И мы тут же близко были. Сами слушаем, а в оба глядим — мало ли что. А Ленин-то в одном пиджаке — тепло было...

Такие беседы происходили не раз. Затягивались подолгу. Иван Иванович Газа говорил мало, но одним словом умел направить беседу в нужное русло. Художник слушал, и в уме его постепенно — из слов рабочих, из споров, из отдельных реплик — вырисовывался замысел грандиозной картины. На первом плане — рабочие. Их тысячи, но они не смотрят на зрителя. Всё их внимание приковано к Ильичу, к трибуне, возвышающейся в глубине картины. Одежда у всех простая: одни — только с работы, другие пришли, чтобы заступить во вторую смену. Но среди кепок мелькают и шляпы: их немного — это начальники, потерявшиеся в толпе. Каждый слушает речь по-своему: одни что-то записывают, у других в руках листки ленинской «Правды», некоторые даже выкрикивают что-то с места, увлечённые словами вождя...

Часами просиживал художник на заводском дворе, наблюдал жизнь завода, вживался в картину, писал красками этюды цехов, разрабатывал место действия. В обеден-

ные часы зарисовывал рабочих и группами и в одиночку.

— Вот чего я тебе принёс, Исаак Израилевич, — протягивая узелок какой-то ветоши, присаживался к художнику пожилой рабочий.

— А что такое!?

— Одежда. В ней на завод ходил.

— Тогда?

— Ну да, при царе Горохе! — смеялся старик.

— А ну показывайте.

— Показать совестно. Неказиста больно.

— Вот это-то мне и нужно! — Художнику уже не терпелось. — Одевайтесь скорее. Да вы молодец какой — не побрились даже.

— Три дня щетину растил, чтобы по полной форме — как при старом режиме. — Оба смеялись, и сеанс начался. Карандаш быстро скользил по бумаге.

— Подождите, не шевелитесь. Ещё минуточку... — Но гудел гудок, надо было заканчивать. — Вот досада!

Художник нервничал.

— Ничего, Исаак Израилевич. Пошабашим — опять приду. А ты тут завод порисуй. Подождёшь?

— Подожду... А завтра, знаете: приходите-ка не один. Пускай и товарищи в старой одежде попозируют.

Рабочие позировали охотно, оставались после работы, старались, чтобы их картина получилась как можно лучше.

Но не только на заводе трудился художник. Большая работа шла в мастерской художника, которая помещалась в Смольном, в большой комнате рядом с Актовым залом. Здесь компоновал он картину на огромном полотне, вдумчиво работал над образом Владимира Ильича.

Не случайно именно художнику Бродскому заказали рабочие эту картину. Исаак Израилевич не раз встречался с Лениным, рисовал его с натуры и создал ряд картин о вожде революции: «Ленин на фоне Кремля», «Ленин на Волховстрое». Теперь он достал зарисовки, сделанные с Ленина в начале двадцатых годов на больших собраниях, внимательно изучал их. Художник помнил, как приходил

он на эти собрания нарочно пораньше, чтобы занять место за сценой, где-нибудь поближе к президиуму, как жадно набрасывал профиль Ленина. Позже, в Москве, Владимир Ильич, хотя с большой неохотой, разрешил художнику рисовать себя во время работы в Кремлевском дворце. Позировать Ильич не любил, да и времени у него для этого не было. Но, разрешив художнику рисовать, он старался помочь ему и во время работы сидел тихо, почти не шевелясь.

Бродский помнил случай, когда, сделав набросок с Ленина, он попросил Ильича подписать рисунок. Ленин, прищурившись, взглянул на набросок и покачал головой:

— Нет, по-моему, не похож!

Но тут все присутствовавшие на собрании наперебой стали уверять Ильича, что художник удачно передал сходство.

— Довольно, довольно, товарищи, — взмолился Владимир Ильич. — Подчиняюсь большинству!

Он взял карандаш и поставил под наброском свою подпись. Потом улыбнулся и, лукаво взглянув на художника, сказал:

— Первый раз в жизни подписываюсь под тем, с чем не согласен!... — Он ещё раз взглянул на набросок, повертел его в руках и неожиданно, обращаясь ко всем, прибавил:

— А может быть, и правда похож?

Все присутствовавшие весело рассмеялись, и всех зарази-

тельной смеялся сам Владимир Ильич.

Конечно, такие наброски были ценным материалом для создания картин, но теперь художнику надо было изобра-

зить Ильича не за письменным столом, не в президиуме собрания, а на трибуне, произносящим речь, а для этого надо было «увидеть» Ленина, и увидеть не раз. Бродский от-

правился на кинофабрику, где хранятся документальные фильмы, заснятые кинохроникой ещё при жизни Владимира Ильича. Работники киностудии охотно пришли на помощь. И вот на экране художник снова увидел Ленина, Ленина-оратора, Ленина на трибуне: Ильич произносит речь в первомайские дни, Ильич провожает красноармейцев на фронт. По многу раз просматривал Бродский эти бесценные кадры и тут же, в просмотровом зале, зарисовывал то, что только что увидел на экране.

Все старались помочь художнику в его ответственной и трудной работе. Часто наведывались в мастерскую путиловцы, они приносили художнику фотографии старых рабочих, снимки цехов и заводского двора, сделанные ещё в дореволюционные годы. Нередко в перерывах между работой заходил в мастерскую товарищ Киров.

— Работайте, не обращайтесь на меня внимания, — скромно говорил Сергей Миронович, появляясь в дверях.

Он присаживался в сторонке и с интересом наблюдал, как накладывает краски художник, как всё чётче вырисовываются на холсте фигуры рабочих, — только иногда скажет одно-два слова. Особенно понравилась Кирову фигура старика, стоящего на трибуне позади Ильича.

— Ай да старик! — воскликнул Сергей Миронович, впервые увидев его на холсте. —

Хороший старик, настоящий потомственный пролетарий!

Скоро Сергей Миронович и художник стали друзьями, но, сколько ни пытался художник заставить Кирова подсказать ему что-нибудь, сделать хоть какое-нибудь замечание, Сергей Миронович не хотел давать никаких советов.

— Нет, нет, Исаак Израилевич, я вас только собою. Уж лучше я помолчу. Они вам скажут, рабочие. Прислушивайтесь к их голосу. Это самый строгий и справедливый судья.

Но и молчание Кирова было большой поддержкой для художника: он видел внимание Сергея Мироновича, его искренний интерес к картине. Художник чувствовал, что делает большое, нужное дело, — и это окрыляло его, придавало уверенность его кисти.

Над картиной «Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода 12 мая 1917 года» Исаак Израилевич Бродский работал в течение двух лет. Наконец в мастерской собрались заказчики — рабочие-металлисты. Художник волновался. Долго стояли рабочие перед картиной, не нарушая молчания. Потом слышались слова.

— Всё правда. Вот так это и было, — начал кто-то из стариков.

И тут зашумели все, заговорили, стали поздравлять художника, некоторые даже находили в толпе знакомых — так удачно были схвачены типы рабочих.

— Принять картину. Так, как есть, так и принять, ничего поправлять не нужно, — решили единогласно и записали в протоколе собрания, что картина о путиловцах должна принадлежать рабочим-путиловцам.

Вскоре же огромное полотно художника Бродского — шириной в пять с половиной метров и высотой без малого три метра — было повешено во вновь выстроенном Дворце культуры рабочих Московско-Нарвского района.

Художник И. И. Бродский

(К фотоснимкам на 3-й странице обложки)

— Чтобы быть убедительным, чтобы ваши произведения полюбил и смотрел народ, ваши темы должны быть народу близки, а язык художественно совершен и понятен. — Так говорил своим ученикам Исаак Израилевич Бродский, и этот совет был законом всего его собственного творчества.

Картины И. Бродского можно безошибочно узнать по его почерку. Основная их тема: вождь и народ, неразрывное единство вождя революции и людей труда. Художник мечтал отобразить в своих полотнах героическую борьбу пролетариата, создать живописный памятник эпохе Великой пролетарской революции, её «коллективный портрет». И вот из-под кисти выходят картины: «Ленин в Смольном», «Речь Ленина на проводах частей Красной Армии на Польский фронт», «Расстрел 26 бакинских комиссаров», «Заседание Реввоенсовета» и та, о которой мы рассказывали, — «Выступление Ленина на Путиловском заводе» (верхний снимок).

И. И. Бродским создана большая портретная галерея деятелей революции. Прежде чем создавать портреты, делались карандашные наброски. Два из них — «Портрет В. И. Ленина. 1921 год» и «С. М. Киров на 24-й Ленинградской областной партконференции. 1927 год» — вы видите на репродукциях.

И. И. Бродский был учеником Ильи Ефимовича Репина. На фотографии, сделанной в 1926 году, вы видите ученика и учителя — двух больших художников.

По залам Музея революции

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

Нелегко было в семнадцатом году пробираться по дорогам России. Поезда — битком набиты. Кто на юг, кто на север едет. Кто в тамбуре, кто на крыше под осенними ветрами стынет, под октябрьскими дождями мокнет. Но ехали и ехали к Петрограду солдаты, рабочие — делегаты съезда Советов.

Ехал из Киева и Михаил Богданов — делегат солдатского комитета 3-го Авиационного парка. Приехал, и закрутил делегата вихрь революции. Каждый боец дорог. Уже 24 октября вручили Богданову мандат, в котором говорилось, что назначается Богданов М. начальником городской электрической станции на Новгородской улице и в случае надобности уполномочен он обращаться к вооружённым силам ближайшего округа. Не успел с новым назначением освоиться — Керенский на Петроград идёт. Пришлось оставить электростанцию, пошёл комиссар Красной гвардии Михаил Богданов на фронт.

...Листочки старых мандатов. Карандашом на обрывке тетрадной странички начерчены планы укреплений наших отрядов под Пулковом, военные рапортчики. Всё это уже не пожелтевшая бумага — сама история. Их доставила в музей дочь солдата революции Юлия Михайловна Богданова, и теперь их внимательно изучает научный сотрудник отдела фондов музея Валентина Александровна Путинцева (снимок сверху).

Не так-то просто найти эти документы — свидетели великих дней — сорок пять лет прошло, срок немалый! Но сотрудники музея упорны в поисках, а помощников у них — каждый советский гражданин. И идут в музей новые экспонаты.

В 1917 году служил в 1-м осетинском конном полку «Дикий» дивизии туземного корпуса рядовой Тавасиев. Временное правительство на эту дивизию возлагало надежды: туземцы, мол, инородцы — им до русской революции дела нет. Но грянул бой — и отряд Хаджи-Мурата Дзарахохова перешёл на сторону восставшего народа. И стал рядовой Александр Тавасиев (снимок сверху справа) солдатом революции. Сейчас в музее висит его бурка, покоится под стеклом боевая шашка со штыком, кинжал (снимок крайний справа).

Вот ещё два новых экспоната — колокольчик, который звенел когда-то под дугой, и чернильница, в которой был устроен тайник (снимки в центре). Они принадлежали старому революционеру-подпольщику Николаю Евгеньевичу Буренину. В 1901 году агент ленинской «Искры» Е. Д. Стасова поручила ему организовать доставку в Россию нелегальной литературы. Н. Е. Буренин жил у самой границы с Финляндией. В имении его матери «Кириасалы» помещался таможенный пункт. Обычно груз с революционной литературой прибывал поездом на станцию Райвола. Узнав об этом, Н. Е. Буренин ехал туда, будто на охоту, и забирал багаж. Сына хозяйки таможенники, конечно, не проверяли. Вот и звенел колокольчик под дугой — вёз в Россию запрещённую революционную литературу.

Но кто сказал, что революция закончилась в 1917 году? Нет, она продолжается. По-революционному перестраивается наша промышленность, культура, образование. Поэтому и в музее рядом с оружием Октябрьского восстания по праву лежит оружие мирных лет: отбойный молоток, каска и фонарь Николая Мамаёва (снимок слева).

А в одном из залов музея идёт приём в пионеры. Здесь в Октябрьские дни тринадцать ребят из 394-й школы стали пионерами (снимок внизу). Им идти дорогой отцов и дедов, им продолжать их славные дела!

Странный кот

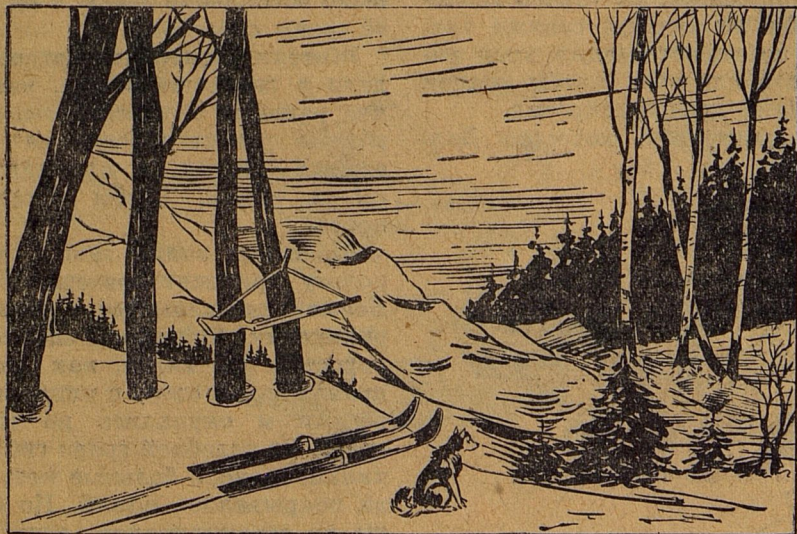
На лестничной площадке,
Загородив проход,
Откормленный и гладкий
Мяучит чей-то кот.
Кричит под дверь
Целый час
И смотрит жалобно на нас.

Чтоб дотянуться до звонка,
Я встал на плечи Игорька
И стал трезвонить,
Что есть сил.
А кот стоял
И голосил.

Дверь открыл
Какой-то дед,
А кота простыл и след.
Кот перепутал этажи,
А мне теперь — ответ держи!

Найдите охотника

(Загадочная картинка А. Илючека)

В лесу кого-то лыжи ждут.
Охотник где-то близко тут:

Стоит, укрывшись от зверей...
А ну, найди его скорей!

Животные—лекари

(Из записок натуралиста)

В июле прошлого года в Марокко произошла неправдоподобная на первый взгляд история. В клинике одного города среди нескольких больных терпеливо ждала своей очереди бездомная собака. После того как доктор отпустил последнего больного, собака с жалобным воем вошла в кабинет и уселась на операционный стол.

Доктор, удивлённый поведением собаки, осмотрел её и обнаружил, что у неё вывихнута лапа. Он немедленно вправил её и перевязал по всем правилам лекарского искусства.

Кое-кто может усомниться в достоверности этого случая, но тот, кто знает и любит животных, не увидит здесь ничего невероятного. Домашние животные нередко обращаются за помощью к людям, когда испытывают страдания или трудности.

Случается, что и дикие животные прибегают к помощи людей. Известный охотник на диких зверей Жозеф Делмон рассказывал об одном орангутанге, который, будучи раненым, не только позволил себя лечить, но своими толстыми пальцами гладил края раны, будто для того, чтобы хозяин получше её дезинфицировал.

Этот орангутанг, которого Дел-

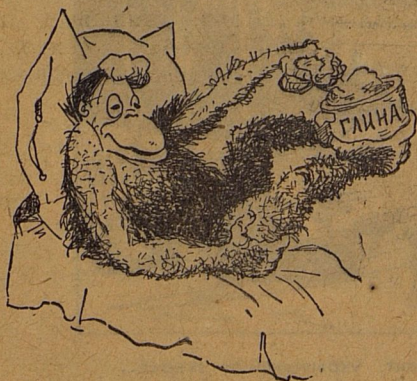

мон назвал Диком, был необыкновенным животным. Он питал истинную страсть к медицине.

У Дика был свой метод лечения. Однажды Делмон застал его сидящим в углу, схватив голову руками. Делмон всмотрелся и увидел, что половина головы Дика покрыта будто повязкой из глины, а на левую челюсть наложен большой ком глины. Как оказалось, у Дика было воспаление десны и он лечил её своим способом.

Жители Камеруна, которые видели в лесах шимпанзе, уверяют, что раненые и преследуемые животные скачут с ветки на ветку, срывая листья, и прикладывают их к ранам, чтобы остановить кровь.

Животные знают также, какую пользу приносят грязевые ванны. Делмон рассказывает о стаде африканских буйволов, заболевших коростой. Он видел, как они отправлялись к озеру с илистыми берегами и окунались по шею в грязь. От целебной грязи гибли личинки, и скоро больные места снова покрывались кожей. Но буйволы не ограничивались этими первыми результатами. Они продолжали лечение целый месяц.

Не только животные, но даже рыбы чувствуют, что именно нужно делать, чтобы избавиться от боли. Тот же Делмон сделал наблюдения над летающими рыбами. Он открыл, что рыбы, сверкающей стайкой поднимающиеся над волнами, делают это не из удовольствия и не только для того, чтобы ускользнуть от врага. Какая же другая причина заставляет их подниматься над поверхностью воды? Делмон скоро понял, что эти маленькие рыбки страдают какой-то болезнью, от которой на их теле кое-где отстаёт чешуя. Может быть, рыбы покидают воду для того, чтобы хоть на несколько секунд облучить на солнце больные части своего тела?

Это предположение подтвердилось опытом. Летающих рыб поместили в два больших чана — один был покрыт густой сетью, другой открыт. Через несколько дней на коже рыб, находящихся в закрытых чанах, больные места увеличились, тогда как на рыбах, которые могли хоть несколько секунд «погреться» на солнце, больные места снова покрылись чешуёй. Первые умерли, вторые выздоровели.

А вот пример взаимопомощи в мире животных. Делмон рассказывает, что во время экспедиции в Южную Африку проводники вы-звались ночью показать семейство львов, расположенное неподалёку от лагеря. Он увидел подстреленную львицу. На её боку вияла рана, в кото-

рую свободно могли уместиться два кулака.

Львица старалась повернуть голову, чтобылизать рану, но не могла достать до неё и тихо стояла. Тогда лев сделал то, что она хотела: зализывал рану до тех пор, пока она не стала абсолютно чистой. Потом он улёгся рядом со львицей, но не закрывал глаз, следя за больной. Следующие дни лев старательно заботился о львице, носил ей пищу и складывал в рот, отгоняя нахальных львят. На четвёртый день раненая, непрестанно стонущая львица попробовала добраться до воды, но, обессиленная, упала на середине пути. Встретивший лев на миг задумался, потом схватил львицу за шею и потащил в своё убежище. И снова принялся зализывать рану.

Во Франции охотник и натуралист Виктор Фатио заметил у убитого им бекаса старую рану, на которую был наложен пластырь из мелких перьев, залепленный спёкшейся кровью. В другой раз охотник увидел такой же пластырь на убитом пчелоядце. После этого Фатио видел у бекаса великолепную повязку из перьев, мастерски обмотанную вокруг разбитой кости. Бекас, раненный в ногу, был найден мёртвым на второй день. Разбитая нога была отлично забинтована. Очевидно, это было сделано клювом.

Природа одарила животных инстинктом, который указывает им способы сохранения своегоздоровья.

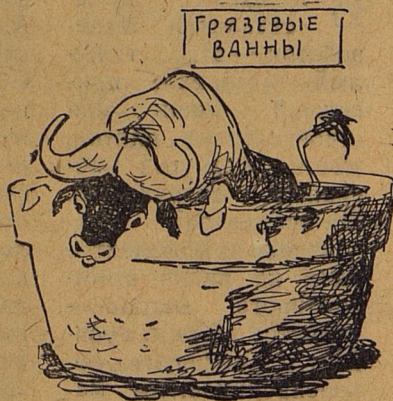
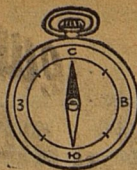

Рис. К. Бекташева

КАК ИЗМЕНИЛСЯ ЧЕЛОВЕК?

НА ЭТОТ вопрос кандидат биологических наук, заместитель директора научно-исследовательского института антропологии Московского университета имени Ломоносова Зенкевич ответил:

— За последние полвека человек стал не только сложнее и разностороннее внутренне, но и переменялся внешне. Это прежде всего коснулось его роста. Человек стал выше на 2,5 сантиметра. Если 50 лет назад средний рост человека в нашей стране составлял 165 сантиметров, то сейчас он поднялся до 167,5 сантиметра. Примерно на килограмм увеличился его вес.

Основная причина увеличения роста — улучшение условий жизни и питания наших людей.

Ещё более поразительные перемены видны у ребят. 25 лет назад средний рост 13-летнего мальчика составлял 143,9 сантиметра, а сейчас он равен 149,7 сантиметра. Средний рост 13-летней девочки в 1936 году был 145,6 сантиметра, сейчас — 151,4.

Прошлые леса

МОЖНО ли сейчас по ветхим останкам и окаменелостям определить, какую древесину наши предки использовали для своих поделок?

На столе сотрудника Ботанического института АН СССР лежит осколок камня. Но, оказывается, это не камень, а дерево, только оно жило 25 миллионов лет назад. Окаменелая древесина, которую исследует учёный, привезена с Кавказа, с Голерского перевала. Ещё в конце прошлого века рабочие, прокладывая здесь дорогу, удивились открывшему-

ся перед ними зрелищу. В толще скал стоял лес. Вокруг возвышались бук, сосна, пальмы, лавры, но были они не живые, а каменные. Очевидно, в далёкие времена этот лес был погребён извержением вулкана. Под деревьями валялись обломанные ветки, листья, вот они-то и перекопали теперь в Ботанический институт.

Учёные, проводящие исследования, установили, что в далёкие времена в этом лесу было около 50 видов древесных пород и все они близки к современным деревьям.

Лодка из... железобетона

В ВАШЕМ представлении железобетон — это тяжёлый материал, пригодный лишь для строительства плотин, мостов и других массивных сооружений. Не правда ли?

Однако армированный бетон — является лёгким, прочным и совершенно водонепроницаемым материалом. Этим летом на реке Обь появилась даже железобетонная лодка. Её строители — сотрудники Западно-

Сибирского филиала Академии строительства и архитектуры СССР — говорят, что построить лодку из железобетона очень просто и дешево. Построенная ими моторная лодка на 5—6 человек успешно прошла первые испытания. С двигателем 30—40 лошадиных сил она развивает скорость до 20 километров в час. Толщина днища и бортов — 6—8 миллиметров. Лодка имеет герметические отсеки, которые делают её непотопляемой.

...в нашей стране пустыни занимают 300 миллионов гектаров? Это равно площади такой огромной страны, как Индия, или площади десяти таких государств, как Италия.

...в Ленинградской области леса занимают 5815 тысяч гектаров? Больше половины из них — хвойные.

...если бы не было зелёных растений, то не было бы и жизни на Земле? Ежегодно растения нашей планеты связывают около 150 миллиардов тонн углерода с 25 миллиардами тонн водорода и выделяют 400 миллиардов тонн кислорода.

...из моря добывается ежегодно 5 миллионов тонн поваренной соли? Из них в Китае добывается 2 миллиона тонн и в Индии — полтора миллиона тонн.

...всем известный лёд имеет, оказывается, около двухсот названий? Лёд, перемешанный со снегом, называется «снежура», небольшие ледяные скопления именуются «стамухой». Есть ещё блинчатые льды, торосистые, лёд-подросток, шуга, «сало», «каша» и ещё много других.

Знаешь ли ты, что?

...среди различных животных нашей области насчитывается 62 вида рыб, 8 видов земноводных, 58 видов млекопитающих и около 250 видов птиц?

...для созревания одного зерна растение перегоняет и испаряет одну тонну воды?

...при нормальном атмосферном давлении человек ежеминутно поглощает около литра кислорода?

...экспедиция английских энтомологов привезла из Чили коллекцию из 20 тысяч насекомых? Учёные считают, что классификация собранного богатства займёт 25 лет.

...только за счёт метеоритов Земля ежесуточно прибавляется в весе на несколько десятков тонн?

...одна из крупнейших на земле раковин — это тридакна? Весит она около полутонны и достигает в длину до полутора метров. Живёт гигантская раковина

на коралловых рифах Тихого и Индийского океанов.

...пара синиц за гнездовой период надёжно охраняет от вредителей до 40 яблонь? В день птицы уничтожают около 8000 вредителей. Одна ласточка за лето съедает до 1 миллиона мелких насекомых, а кролик уничтожает их в 8—10 раз больше.

...солнце в Арктике даёт за лето тепла больше, чем в Крыму? Но 90 процентов его лучей снег и лёд отражают обратно в атмосферу, — поэтому в Арктике и холоднее, чем в Крыму, поэтому там и не тают льды.

...самый высокий человек в мире — это житель Ливии Сулейман Нашлум? Его рост 250 сантиметров. Сейчас Сулейману 17 лет, и он продолжает расти почти по одному сантиметру ежемесячно. Когда же ему было 8 лет, то за одну ночь он выросстал на 3—4 сантиметра.

Отдел ведёт В. Акентьев

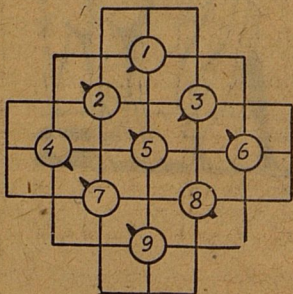
риала — 9, 76, 75, 78, 82. Садовый
цветок — 49, 16, 3, 47. Мера расстоя-
ния и одновременно скорости на
море — 36, 41, 51, 67. Вид современ-
ного искусства — 59, 34, 38, 48.
Мелкозернистый точильный ка-
мень — 37, 22, 68, 65, 12, 28. Мор-

[illegible]

ской звуковой сигнальный прибор —
31, 74, 44, 62, 71.

Расставив буквы в клетках фигуры, вы прочтёте закон юных пионеров.

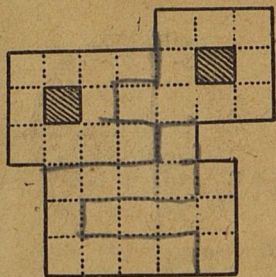
(Составил Вова Репин, г. Пушкин)

1. Река в Казахской ССР, приток Иртыша. 2. Столица союзной республики. 3. Дальневосточная река, впадающая в Татарский пролив. 4. Самая крупная река Закавказья. 5. Молодое африканское государство. 6. Река в Западной Европе. 7. Приток Волги. 8. Река на севере Франции. 9. Река в Колумбии, приток Ориноко.

СЛОЖИТЬ ФАМИЛИЮ

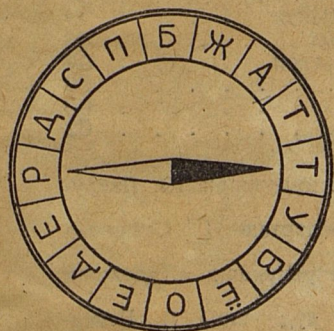
(Составил Олег Андреев, Левашёво)

«Распилите» доску на четыре буквы и сложите фамилию советского шахматиста, экс-чемпиона мира.

«КОМПАС»

(Составил Витя Филин, Выборг)

Здесь зашифрована пословица, которую можно прочесть с помощью компасной стрелки. Как это сделать — подумайте сами.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

(Составила Наташа Алексеева, 344-я школа)

Назовите фамилии русских писателей, названия произведений которых вы встретите в этом отрывке:

«Стоял чудесный весенний вечер, но небо постепенно затягивали тучи. Наступала безлунная ночь. Деревня, в которой родился художник Алымов, стояла на реке. Ещё мальчиком любил он приходить сюда на заре. Вот и теперь смотрел он на вишнёвый сад, за которым был крутой обрыв, а под ним, на дне оврага, протекал ручей... Много лет не бывал здесь Алымов, и многое изменилось — исчез дом с мезонином, где жил друг детства Вадим, его мать и сестра Ася...»

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 10)

КРОССВОРД «ДОМИК»

По вертикали. 1. Лев. 2. Чай. 3. Кот. 4. Гараж. 5. Тупик. 6. Мат. 8. Шок. 9. Пасека. 10. Мел. 12. Дракон. 16. Утка. 17. Итог.

По горизонтали. 2. Чек. 4. Гавот. 6. Май. 7. Туш. 9. Пар. 11. Предлог. 13. Хата. 14. Икра. 15. Жулик. 18. Парта. 19. Глина.

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ

Юннаты заняли перекрёстки, отмеченные числами 6, 18, 24, 34.

РЕБУС

Кассиль. «Дорогие мои мальчишки».

СЛОЖИТЬ КВАДРАТ

Решение смотрите на рисунке.

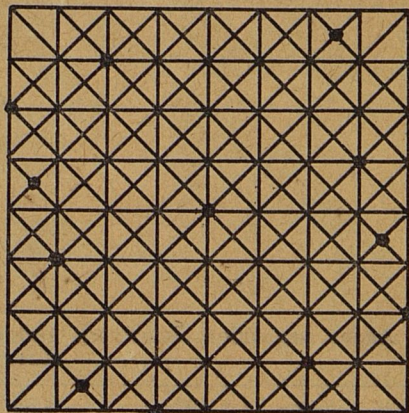
ЗАДАЧА-ШУТКА

1. 45 км. в час. 2. Мокрый (!).

ЗАГАДКИ

1. СССР. 2. Человек. 3. Космонавт.

РАССТАВИТЬ ПОСТЫ

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдат революции. Пять углов. Стихи В. Кузнецова	1
Ботинки. Рассказ К. Ровды	3
Жутов хутор. Рассказ Леонтия Раковского.	9
В космос! Равновесие. Центрифуга. Стихи М. Дахия.	16
Государственный Тимка. Рассказ Б. Раевского	18
Сергей Иванов с физкультуры сбежал. Стихотворение Л. Варбас	29
Ключ. Рассказ И. Дворкина	30
Раз, два... Стихотворение А. Шибаева	32
Как образуется улица. Стихотворение Н. Слепаковой	33
Очень хочется жить. Повесть М. Герчика	34
Между сказкой и былью. Статья Евг. Рейна	43
Заказ путиловцев. Статья О. Туберовской	48
Странный кот. Стихотворение Э. Островской	57
Животные-лекари	58
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

на 1-й странице обложки — рисунок художника Ю. Лаврухина «Зимний взят».

На 2-й странице обложки — фоторепортаж Г. Сафонова «По залам Музея революции».

На 3-й странице обложки — фоторепродукции: «Художник И. И. Бродский».

На 4-й странице обложки — плакат художника К. Бекташева «Оглянись!».

291840 .

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А 4-54-90

Сдано в набор 16/X 1962 г. Подписано к печати 26/XI 1962 г. 4 печ. листа
М-38435 Заказ № 1588. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ПОСЛЕДНИЙ

Цена 10 ко